

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ ВРЕМЕНИ

РИНАТ ИКСАНОВ

Ринат Иксанов

Прокрустово ложе времени

Серия «Синхронизация
времени», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69214780

SelfPub; 2023

Аннотация

«Прокрустово ложе времени» – первая книга серии «Синхронизация времени». Группа спецназовцев ГРУ, выполняя задание по уничтожению секретной лаборатории террористов, попадает в XIII век, а именно во времена прославленного полководца князя Александра Невского. Главный герой романа Тимур Муртазин, который переносится во времени вместе со спецназовцами, как оказалось, личность весьма таинственная. Постепенно выясняется, что он наделен сверхспособностями. Однако, даже сам Тимур пока еще не до конца понимает в чем заключается его неординарность. Герои цикла пройдут через множество приключений, примут участие в известных нам по истории древней Руси событиях – Невской сече, Ледовом побоище. Каково же предназначение попаданцев в происходящем? Ведь не просто так они отправились в глубину веков. Об этом можно узнать, прочитав цикл «Синхронизация времени».

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Генерал Заяров	5
Глава 2. Тимур Муртазин	11
Глава 3. Генерал Заяров	21
Глава 4. Тимур Муртазин	29
Глава 5. Генерал Заяров	53
Глава 6. Тимур Муртазин	61
Глава 7. Генерал Заяров	79
Глава 8. Край	87
Глава 9. Жан	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ринат Иксанов

Прокрустово ложе времени

Посвящаю моим детям – Иксановым Регине, Динаре, Тимуру и внуку Аллену. Родные мои, как бы не сложилась судьба, вы всегда в моем сердце.

*«На свете существует не один способ положить
Время на лопатки».*

Филип Хосе Фармер, «Темный замысел»

Часть 1

Глава 1. Генерал Заяров

В кабинете отчетливо пахло ушедшей эпохой. Само помещение, с облицованными темными панелями стенами и мебелью из дуба – массивным столом, креслом с высокой прямой спинкой, а также винтажными пресс-папье, письменным набором, прочими атрибутами советской бюрократической обстановки – все это будто перенеслось из шестидесятых прошлого столетия. Диссонансом в мизансцене был поясной портрет действующего президента государства, который улыбочиво, с обманчиво легкой хитрецей прищурившись, наблюдал со стены за беседующими мужчинами.

Один из них – генерал – лейтенант Литвин, – восседал на советском дубовом «троне» правителя кабинета, что однозначно определяло его статус и полномочия. Другой занимал один из ряда стульев у второстепенного стола, примыкавшего к основному, образуя монументальную букву «Т». Говорили мужчины негромко, использовали при этом простые, но очень емкие фразы. Именно так разговаривают профессионалы, способные в словосочетание, и даже в одно слово вложить глубинный, но не всякому понятный смысл. Эти двое друг друга понимали с полуслова.

– Операция на серьезном контроле. – Старший из собеседников еле заметно качнул головой в сторону портрета главы государства. – Ваша фамилия, Андрей Борисович, была указана безальтернативно. Так Он и сказал, мол, организацией займется генерал Заяров. В планшетном компьютере, который я вам передал, содержится вся необходимая для работы информация.

– Подробности? – на всякий случай спросил Заяров, хотя понимал, что подробностей не будет. – Странное какое-то дело, товарищ генерал-лейтенант. Мы же не рядовые бойцы – руководство все-таки. Как прикажете координировать действия личного состава? Тем более, если протокол инициировал Сам...

Левое веко генерал-лейтенанта, набрякшее от неизбежных на такой работе стрессов, да и возраста, дрогнуло в нервном тике. Александру Ивановичу не нравилось в этом деле вообще все.

– Подробности? Позже. – Литвин хотел потерять дрожащее веко, но, строго посмотрев на свою руку, сжал ее в кулак. Свое недовольство он выразил в по-старчески брюзгливом комментарии, – Ишь ты, подробности ему... А может мне ни кто их и не сообщал, а?

Внешне Андрей Борисович никак не выразил своего отношения к замечанию шефа, но подумал: «Так-таки не сообщал? А кто же тогда слушок про некую капсулу допустил? Или вы что-то не договариваете, Александр Иванович,

или... Кто же тогда?»

Литвин тоже слышал историю о капсуле, но говорить об этом с Заяровым вообще-то не собирался. Да и что говорить, если услышанное им казалось голливудским киношным бредом! Якобы, некие археологи, копаясь по обыкновению в древних курганах, нарыли странный предмет, который они неизвестно из каких соображений назвали капсулой. Какая еще капсула?! Нашли очередной допотопный горшок из обожженной глины и, теша свое археологическое эго, обозначили его современным словечком... И эта самая капсула, как им почему-то показалось, являлась посланием. Посланием не кому бы то ни было, а самому... Самому главе государства – даже фамилия его на этом артефакте, говорят, была вырезана. Или вычеканена, выгравирована – не важно. И вот эти самые археологи, потрясая своей находкой, заявили напрямик в Москву, к самому президенту. Как они умудрились прорваться к главе государства и преподнести капсулу адресату? Да очень просто. На удивление просто. Самое интересное, что их, этих находчивых археологов, ждали. То есть, глава государства знал, что в один прекрасный день ему доставят эту «посылку» – именно об этом вполголоса пробормотал Литвину знакомый генерал из охраны президента. Только точная дата прибытия ученых с посланием из прошлого не была известна.

А археологов тех больше никто не видел. И, тем более, не слышал. Куда их подевали? Не расстреляли же, в самом

деле. Хотя...

– Подробности... – Он скользнул по Заярову студеным взглядом. Генерал дотошен, поэтому тему об артефакте затронуть все равно придется. – Ты о пресловутой капсуле, что ли?

Заяров пожал плечами и не говоря ни слова смотрел на шефа. Литвин вздохнул и покосился на портрет.

– Темна вода в облаках... Ну кто поверит в этот бред о послании Самому – адресно, с упоминанием имени, отчества, фамилии и должности! – из глубокого прошлого?! Чушь. – Веко снова задергалось. – Если это дезинформация... Нет, чушь. Давай лучше поговорим о самой операции. Для ее подготовки тебе в полное подчинение передается база, где мы сейчас находимся. И все ее ресурсы. Когда ознакомишься с файлами в своем планшете, все необходимое для выполнения работы будешь получать поэтапно в назначенное время – ни раньше и не позже. Соответственно, и полномочия твои с этого момента будут... мама не горюй.

Литвин продолжал говорить какими-то расплывчатыми фразами, а Заяров, наблюдая за ним, вдруг понял, что генерал-лейтенант действительно сам ничегошеньки не знает. Скорее всего, Литвину тоже вручили планшетный компьютер с подробными инструкциями, в которых содержится обойма информации, предназначенная только для него. Генерал-лейтенант лишь винтик в механизме, как и генерал Заяров. Возможно, вся картина известна только президенту.

А может и Он знает только то, что Ему надлежит знать. Ведь глава государства только получил капсулу из прошлого, которую кто-то послал. Кто же тогда обладает всей информацией? И кто, черт побери, реальный автор всей операции?

– И на посошок, как ты и просил, подробности. – Литвин выпрямился в кресле. Его складчатое, как морда шарпея, лицо вдруг преобразилось так, что Заяров отчетливо понял, как же все-таки постарел его шеф. – Президент в разговоре упомянул новый вид терроризма, ранее не виданный ни кем, и настолько серьезный, что данная операция является единственным барьером, способным остановить эту опасность. Все очень серьезно, Андрей. И, самое главное, что Он хотел довести до нас – мы ни на йоту не должны отступать от заданного сценария действий. План операции должен быть выполнен в точном соответствии с инструкциями, содержащимися в файлах. В педантично точном. Ты меня понимаешь? Не отступать от сценария ни на йоту, генерал Заяров, – это приказ главы государства, я его тебе передаю. Мною получен идентичный приказ. У меня своя роль в этом сценарии, я всего лишь передаточное звено, как ты, должно быть, уже догадался. Да-да, это сценарий, именно сценарий. Не дай тебе бог возомнить себя режиссером, который меняет сюжетные линии авторского сценария по своей «гениальной» прихоти. Помни – работаешь педантично, в точности по инструкциям. Вот такие они, подробности, генерал Заяров, неожиданные, не правда ли?

Андрей Борисович встал.

– Мне все ясно, товарищ генерал-лейтенант. Разрешите идти?

– Нет, не разрешаю. – Литвин тоже встал. – Я же сказал вам, что эта база передается в ваше распоряжение. Вы остаетесь здесь. Обживайте кабинет, ознакомьтесь с инструкциями в файлах планшета. Я свяжусь с вами, или приеду сюда лично, если в этом возникнет необходимость.

«Когда можно будет это сделать по сценарию, – понял Заров. – Он еще сам не знает, когда и как все произойдет».

Глава 2. Тимур Муртазин

Я заглушил двигатель и укрепил скутер на откидной лапке. Сняв шлем, нацепил его на левый локтевой сгиб, как бабушки подвешивают к руке корзинки, и обернулся. Метрах в двух от меня стоял черный легковой автомобиль представительского класса. Когда он подъехал я не заметил. Из салона машины вылезли двое мужчин в одинаковых темно-серых костюмах. Незнакомцы вообще были на удивление схожи друг с другом – и ростом, и короткими стрижками, и равнодушно-сосредоточенным выражением лиц. Их можно было различить только по расцветке галстуков. Судя по тому, как пристально уставились на меня эти двое из ларца, прибыли они по мою душу.

– Господин Муртазин? – спросил тот, который вылез с пассажирской стороны автомобиля.

Я поправил лямку рюкзака на плече и отрицательно покачал головой:

– Нет. Обознались.

Мужчины переглянулись.

– Здравствуйте, господин Муртазин, – вступил в разговор второй (водитель). – Вы проедете с нами.

– Что? – Я попрыгал, чтобы рюкзак улегся за спиной удобнее. – Что проедем?

– Что значит «что»? Не «что», а куда.

– Если «куда», то говорят «поехать туда-то», а проехать можно мимо чего-то, или проехать какое-либо расстояние, участок пути. – Судя по выражению лиц двоих из ларца, мои разъяснения их не убедили. Я вздохнул. – Так, филологию к черту. Куда? И с какой стати я должен с вами «проезжать»?

– Вы должны проехать с нами, – вмешался тот, который пассажир. – Тут, не далеко.

– А если откажусь? – Я снял с локтевого сгиба шлем и ухватился за него так, чтобы сподручнее было в случае чего отбиваться от наглых близнецов. – Какой такой Муртазин? Не Муртазин я вовсе. Говорю вам – вы обознались.

– Муртазин, Муртазин. – Водитель сунул руку за борт пиджака. – Мы точно знаем.

Я покрепче сжал рукой шлем и ошетинился.

– Держи-ка руки так, чтобы я их видел, парень!

– Спокойно. Я покажу вам удостоверение.

– Не надо. Мне абсолютно фиолетово кто вы такие и что из себя представляете.

– Надо, Тимур, надо.

Он действительно вынул из внутреннего кармана бордовую книжицу, раскрыл ее и придвинул поближе к моему лицу. Я сдержался, чтобы не отпрянуть и взгляделся в текст удостоверения.

– Ну и? Вижу, что капитан... вижу, что Першин Иван Иванович... вижу, что разведывательное управление... чего?! Вы из ГРУ?!

– Вот именно, – со значением произнес пассажир, – из ГРУ. Мне тоже показать?

– Не надо показывать. Верю, что вы тоже капитан. И тоже Першин. И, разумеется, тоже Иван Иванович.

– Вовсе я не Першин. Я – капитан ГРУ Расчетчиков.

– Рас... чего?

– Расчетчиков. Фамилия такая. А зовут меня Артем Николаевич.

– А я – Матроскин. Тоже фамилия такая. – Я огляделся. Во что мне пришлось вляпался?

– Вы Муртазин Тимур Хасанович – хватит отпираться. В конце концов, глупо же... Вам тридцать два года, не женаты, детей нет. С некоторых пор проживаете здесь, в провинциальном городке Булмагане, в доме номер семьдесят восемь по улице маршала Жукова, квартира шестая, второй этаж, окна выходят во двор.

– Квартира, кстати, принадлежит не вам, а Радимичу Игорю Михайловичу, пенсионеру шестидесяти восьми лет. – Это уже водитель влез с подробностями. – Вы снимаете у него комнату по договору найма. Вот мы вам удостоверение показали, а вы можете паспорт предъявить? Или другой удостоверяющий личность документ?

– Усы вот... и хвост... – пробормотал я машинально. Потом задал встречный вопрос, – Зачем вам мои документы, если вы и так все про меня знаете?

– Ваши документы нам ни к чему, это точно. Мы и так

знаем кто вы на самом деле. Просто вы сами заладили: я не Муртазин, я не Муртазин... Так докажите нам, что вы не он. Ну?..

– Нет у меня с собой документов.

– Тогда проедем.

Я вздохнул.

– Куда «проедем»?

– Тут, не далеко.

– Это я уже слышал. О местах не столь отдаленных.

– Зря опасаетесь – мы не причиним вам никакого вреда.

Но дело к вам очень серьезное. Государственной важности.

– Ко мне?

– К вам.

– Государственной важности?

– Именно. – Водитель повернулся к своему автомобилю и открыл заднюю дверь. – Прошу.

– А мой скутер? Личная собственность, все-таки. Нет уж, вы давайте езжайте, а я за вами.

– О скутере позаботятся наши люди, господин Муртазин.

– Кто бы сомневался. «У нас длинные руки»...

– Шлем оставьте. Подвесьте его на ручку руля. Вашу личную собственность отгонят во двор дома, где вы проживаете, а ключ и шлем передадут хозяину квартиры Радимичу. Даже помогут пенсионеру загнать драгоценный скутер в гараж.

– А рюкзак? – спросил я и понял, что смирился с неизбежностью поездки с близнецами в «тут, недалеко». – Его

тоже на ручку повесить?

– Нет, рюкзачок возьмите с собой. Кстати, планшетный компьютер у вас с собой? То есть, он в рюкзаке?

– Откуда вы... Да, в нем. А что, собственно?..

– Рюкзак возьмите с собой.

– С какой это стати? Какую государственную важность представляют собой старый поношенный рюкзак и его содержимое – дешевый планшет?

– Поверьте, представляют. Еще какую важность представляют, вы пока не догадываетесь.

С тоской оглянувшись на скутер, я повесил на его ручку шлем, в нерешительности потоптался, снял с плеч государственной важности рюкзак, с подозрением осмотрел его, потом полез на заднее сидение пахнущего кофе салона иномарки.

– Вообще-то, закупаться в магазин приехал... – непримиримо проворчал напоследок для острастки, чтобы не такой уж трусливой показалась моя сговорчивость. – Блин... Где я, и где ваше ГРУ...

Капитан Першин занял место рядом со мной. Водитель завел двигатель.

...Зачем, спрашивается, им понадобился Тимур Муртазин?! Неужели прознали о моей находке? Откуда?! Ох, зря планшет с собой в рюкзаке таскаю... И при чем тут ГРУ?

«Тут, недалеко» оказалось километров за сто от Булмагана. Раньше я и представления не имел о военном аэродроме, на который меня привезли капитаны ГРУ Першин и Расчетчиков. У взлетной полосы стоял остроносый самолет незнакомой мне модификации, экстерьер которого позволил предположить, что это истребитель. Метрах в ста пятидесяти располагалось небольшое здание, предназначенное, должно быть, для руководства полетами. Из него вышел военный летчик с гермошлемом в руке и бегом направился в нашу сторону.

– Это ваш транспорт, господин Муртазин, – сообщил мне капитан Расчетчиков. – Насколько мы знаем, перелеты вы переносите нормально.

– Капитан, что за дела? – Я стоял возле автомобиля и прижимал к себе рюкзак, инстинктивно используя его как щит. – Зачем мне транспорт? Какие перелеты? Куда вы меня собрались отправлять? Да еще на истребителе! Ведь это истребитель?

– Какая вам разница, истребитель или бомбардировщик... Долетите до места в миг, чихнуть не успеете.

– Как долечу? На крыле?

– Самолет двухместный.

Я шагнул к иномарке.

– Нет уж. Никуда не полечу. Мы так не договаривались, господа шпионы. Я лицо сугубо гражданское...

– ...и не вышедшее из призывного возраста. – Капитан Першин перегородил мне дорогу. – Родина нуждается в вас, Муртазин.

Расчетчиков добавил:

– Хорош бузить, Тимур. Надо лететь. Говорят тебе – служба.

– Срочную службу я уже отслужил, капитан. Наелся вашей идиотской субординации досыта. Демобилизован двенадцать лет назад и не собираюсь повторять печальный опыт.

– Чрезвычайные обстоятельства позволяют призвать вас повторно.

– А что, на дворе война, что ли? – Я начал обходить настырных капитанов, твердо намереваясь забраться в автомобиль. – Везите меня в Булмаган, откуда взяли. Я не согласен лететь неизвестно куда, на какую-то войну. Мне мои права известны... Не волнуйтесь, компенсацию требовать не буду. Если только со скутером вы меня не накололи.

Першин взял меня за локоть. Надежно так взял.

– Есть такое слово – надо. Понимаете, Муртазин? Надо.

– И неужели вам не интересно полетать на таком самолете? – вмешался Расчетчиков, подходя ко мне слева и не менее надежно, чем его коллега, взяв за другой локоть. Он даже позволил себе улыбнуться. – Поверьте, ощущения будут незабываемые.

Я обернулся, с сомнением глянул на истребитель, на подбежавшего летчика...

– Верю вам на слово, капитан.

Летчик успел засунуть голову в гермошлем, что-то глухо пробубнил и пошел к самолету.

– Время, Муртазин, время. Лететь все равно придется. – Расчетчиков уже не улыбался. – Вас ждут.

Я вздохнул. Ситуация была непонятной... как вести себя? Было очевидно, что лететь меня заставят в любом случае. Эти люди выполняют приказ вышестоящего начальства, и никакие взбрыкивания штатского «пиджака» не помешают им впихнуть его в самолет насильно. Резко свел руки, высвобождая из шпионских захватов локти, и деловито спросил:

– Тоже гермошлем хочу, как у летуна. Или в нем чихать будет не комильфо?

* * *

Я отношусь к категории людей, обожающих рисковать. Есть такая категория людей, упорно и последовательно старающихся уничтожить себя. Адреналин с детства входил в состав коктейля моего обмена веществ. За свою жизнь я успел изучить основы рукопашного боя, прыгнуть пристегнутым к «тарзанке», парил на парашюте, воздушном шаре, занимался скалолазанием, дайвингом, серфингом, носился на скейтборде, а с некоторых пор даже стал спелеологом.

Обожаю аттракционы – особенно те из них, которые заставляют в страхе сжиматься сердце.

Хорошо это или нет, но я всегда точно знал, что со мной ничего фатального не произойдет. Эта уверенность в безнаказанности за риск не простая бравада, не наивная вера в чудо. Как объяснить? Да никак. Просто знаю и все. Может быть, у меня в организме есть какой-то орган, отвечающий за благоприятные прогнозы?

Полет на истребителе я воспринял как очередной аттракцион. Летчик не стал заморачиваться по поводу самочувствия гражданского лица, навязанного ему в качестве пассажира: перегрузки, которые пришлось испытать в процессе перелета, вполне удовлетворили страсть к острым ощущениям. Слава природе, мой организм правильно реагировал на перегрузки, и я действительно даже не чихнул ни разу. Наушники всю дорогу молчали. Скорее всего, шлем был отключен – не мог же летун не переговариваться со своими координаторами на земле. Это обстоятельство слегка раздражало: а вдруг мне все же стало бы плохо, понадобилась бы помощь? Или, на худой конец, теплая дружеская поддержка...

Полет был недолгим – минут сорок. Если взять в расчет скорость этого самолета, улетел он далеко, точнее сказать не могу. Финишировали мы на взлетно-посадочной полосе, расположенной, как потом оказалось, в воинской части окруженной лесом. К приземлившемуся истребителю подкатила

черная иномарка – двойник той, что похитила меня у входа в супермаркет в Булмагане. Когда я увидел двух встречающих, приехавших на ней, чуть не расхохотался, потому что они были почти точными копиями капитанов Першина и Расчетчикова. Даже серые костюмы и галстуки те же самые, ей-богу...

Встречающие беседами не заморачивались. Дождались, когда я усядусь на заднее сиденье, расселись сами, и легковушка мигом доставила меня к двухэтажному зданию. Пока мы ехали, по видам из окна я понял, что мы находимся в расположении воинской части. Некоторые надписи и рисунки на стендах были явно из тех времен, когда приоритетами, определяющими мировоззрение народонаселения нашей страны, являлись высокие идеалы строительства коммунизма. Дорожки воинской части и плацы у казарм были безлюдны.

Двухэтажка, возле которой мы остановились, оказалась штабом. Водитель остался в машине. Мы с его напарником поднялись по лестнице, вошли в приемную. Сопровождающий остановил меня жестом и первым вошел в кабинет начальства. Через несколько секунд он вышел и кивнул мне, мол, заходи. Я молча указал ему на рюкзак. Он также молча махнул рукой – мол, иди с рюкзаком.

Интересно, почем нынче славянский шкаф?

Закинув рюкзак за плечо, победоносно выпрямившись, я вошел в кабинет.

Глава 3. Генерал Заяров

Итак, Муртазин Тимур Хасанович. Судя по досье в планшетном компьютере – в меру инфантильный тридцатидвух-летний ловец капризной госпожи Удачи, путешественник, поменявший за свою жизнь не менее десятка городов в разных концах России. Интересно, что его привело в захолустный городишко Булмаган? Наверное, любовь к горам.

...Подкидыш. Воспитывался в детском доме. Администрацией характеризуется... ну, в целом положительно. Это еще ни о чем не говорит...

...Служил в Псковском семьдесят шестом гвардейском десантном штурмовом батальоне, совершил пятнадцать прыжков с парашютом. Отличник боевой и политической подготовки, спортсмен. По окончании срочной службы демобилизован в звании старшины. Неплохо...

...Имеет незаконченное высшее гуманитарное образование, работал в средствах массовой информации, автор двух книг, изданных спонсорами. Чем же он их заинтересовал, что они выложили деньги за увековечение его творчества? Судя по досье, одна из книг посвящена проблемам выживания человека в экстремальных условиях, а вторая – сборник кулинарных рецептов. Забавный диапазон...

...Чем же вы зарабатывали на жизнь, недоучившийся гуманитарий? Так... Выполнял заказы туристических журна-

лов, печатая для них материал во время многочисленных поездок по европейским странам. Снимал документальные фильмы для разных телекомпаний. Не гнушался банальными шабашками, значит. Понятно...

Самобытный художник-живописец, резчик по дереву, гравер... Выставлялся в Париже?! Продано аж двенадцать полотен?! Интересно...

...Работал на стройке. Не брезгует, значит, и ручками поработать. Сколотил бригаду строителей-отделочников, брал субподряды на строительство и ремонт объектов. Освоил деревообработку, кузнечное дело, электромонтаж, и... еще несколько профессий. Ишь ты, на все руки мастер...

...Участвовал в боях без правил. Двенадцать побед, девять из которых нокаутом, и ни одного поражения. Потом, неожиданно для всех, ушел из спорта, заявив, что на самом деле бои никогда не любил и просто проверял себя. Позёр?..

«В меру инфантильный»... Звучит размыто. Ага, вот: «Возможно, демонстративная инфантильность на самом деле способ упрощения коммуникации с окружающими». Понятно – рубаха-парень. Да вы не так просты, господин Муртазин, каким хотите показаться.

И как же вы, инфантильный наш друг с руками, растущими из правильного места, умудрились все это успеть? И на стройке поработать, и в Париже выставиться, и в боях без правил поучаствовать? Наш пострел везде поспел.

Ладно, идем дальше.

...С законом серьезных недоразумений не имел, за исключением мелких нарушений правил дорожного движения, – и на том спасибо. Что же... Понятно, личность в вечном поиске, творческая натура, всеядный непоседа, проще говоря, летун. Станный выбор руководителей операции...

Заяров полистал досье. Нашел фотографии, увеличил ту, на которой Муртазин был запечатлен на фоне гор. Роста чуть выше среднего – под метр восемьдесят. Жилист, широкоплеч, гибок... Одним словом, имеет телосложение тарзана.

Следующее фото – поясной план. Черты лица не типичны для татарина, скорее, скандинавского типа. Женщинам такие викинги нравятся. Волос светло-русый, стрижен коротко. Что это у него?.. Ага, седая прядь в челке. Подкрасил по моде, или это природное явление?

– Первый шестому, – буркнула рация, лежавшая на столе.

Генерал закрыл досье, отложил планшет и взял рацию.

– На связи.

– Он прибыл. Везут в штаб.

– Принято.

Через несколько минут в дверь постучали, вошел капитан Штольнин.

– Разрешите?

– Где он?

– В приемной.

– Пусть зайдет. И организуйте нам сладкого чайку. С лимоном.

– Есть.

Заяров убрал со стола планшет. В кабинет вошел Муртазин.

– Здравствуйте.

Он деловито осмотрелся, хотел положить рюкзак прямо на пол у двери.

– Здравствуйте, Тимур Хасанович. Пристройте свою поклажу на стуле. – Генерал улыбнулся. – И присаживайтесь. Давайте устроимся в креслах, сейчас принесут чай с лимоном. Любите чай с лимоном?

– Можно и с лимоном.

Они устроились в креслах у журнального столика. Заяров наблюдал за Муртазиным. Тот под его пристальным взглядом вел себя естественно, без зажима, но и без бравады. Усевшись удобнее, закинул ногу на ногу.

– Надеюсь, вы – не капитан? А то слишком много капитанов мне повстречалось в последнее время. В ГРУ их так много?

Как бы в подтверждение его слов в кабинет вошел капитан Штольнин с подносом. Он молча выложил на журнальный столик два стакана в старомодных подстаканниках, чайные ложки, заварочный чайник, блюдце с нарезанным лимоном, сахарницу. Штольнин унес пустой поднос и вернулся с урчащим электрическим чайником. Разлил в стаканы заварку, дополнил кипятком и снова вышел. Все это происходило в молчании. Муртазин с улыбкой следил за происходящим.

Заяров открыл сахарницу.

– Хватает у нас и капитанов. Берите сахар, Тимур Хасанович, не стесняйтесь. Лимончик, вот... – Он зацепил дольку и отправил ее в стакан Муртазина. – Что касается моего звания, я не капитан, а генерал.

– Тоже неплохо, – Тимур и не думал стесняться. Отправил в рот кубик рафинада и запил глотком обжигающего чая. – Мне как к вам обращаться? Товарищ или господин генерал?

– Меня зовут Андрей Борисович, этого будет достаточно.

– Признаюсь, не могу сказать, что мне приятно – пока не определился. Надеюсь, вы, я так понимаю, сейчас объясните с какой целью меня, можно сказать, похитили ваши подчиненные и завезли в самую чашу тайги? Кстати, снегири тут зимой, случайно, не в валенках летают?

– В телогрейках. – Заяров закончил помешивать чай и, отложив ложечку, с удовольствием отхлебнул из стакана. – Так и будем веселиться, или все-таки настроитесь на серьезный разговор?

Муртазин пожал плечами.

– Одно другому не мешает, Андрей Борисович. Но, если моя манера вести себя мешает, как вам кажется, конструктивной беседе, то я так больше не буду, честно.

Генерал хмыкнул.

– Маленькая собака до старости щенок... Мне понятна ваша манера вести себя. Тридцать два года, а внутри вы все еще подросток. Так легче расположить к себе окружающих.

А если что не так, то окружающие сделают скидку, благодаря вашей простецкой манере вести себя. Расскажите-ка мне о пещерах, Тимур Хасанович.

Если Заяров как-то и подсек Муртазина, тот и бровью не шевельнул.

– Хм... Вот так сразу, да? Эх, разведчики... А что пещеры? Пещеры как пещеры. Со сталактитами и сталагмитами. Никаких сокровищ. Что конкретно вам о них рассказать?

– Для начала, как вы нашли вход?

– Ага, об этом разведка вам не доложила... – Тимур вынул из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку. – Курить позволите?

Заяров придвинул стоявшую поодаль пепельницу поближе к нему.

– Курите.

– Благодарю. – Он прикурил и глубоко затянувшись, откинулся на спинку кресла. – Это произошло случайно. Я, знаете ли, люблю побродить по природным достопримечательностям. Городок Булмаган расположен у подножия горной системы. Собственно, поэтому я туда и приехал – люблю горы. Снимал видовые фильмы, практиковался в скалолазании... Зимой на лыжах катался. Кстати, там неплохое место для этого вида спорта. Удивляюсь, почему местные предприниматели до сих пор как-то не окучили этот вариант. Ладно, перейду к основной теме. Как-то во время одной из вылазок я задержался допоздна и решил заночевать в горах. Это бы-

ло летом, чуть больше года назад. Развел костер, поужинал и лег спать. А мой костер ночью возьми и провались...

– В смысле «провались»?

– В прямом. Место, на котором я разжег костер, оказалось сплетением корневой системы кустарников. Только они и поддерживали тонкий слой гравия и почвы. Костер прожег в корнях дыру, и камни осыпались внутрь, в пещеру. Утром я глазам своим не поверил. Видимо, вход в нее и сам бы скоро открылся – дождями или весенними ручьями бы размыло. Просто я оказался в нужном месте в нужное время.

– Понятно. И вы решили исследовать пещеру самостоятельно? Почему никому не сообщили о находке?

– Сначала я не предполагал, что обнаружил нечто неординарное. Думал, ну пещера... Еще одна дыра в теле матушки-земли. Эка невидаль...

– А потом?

Муртазин потянулся к пепельнице и затушил окурок.

– Потом вернулся со снаряжением и спустился в дыру.

– Погодите... Вы точно никому не сообщали о найденном входе в пещеру?

– Если не считать пенсионера Михалыча, у которого я комнату снимаю. Старик мне очень помог.

– Радимич Игорь Михайлович... Ясно. Продолжайте. Вы спустились в пещеру...

– А, мне интересно, вы-то откуда узнали об этом?

– Узнали. Мы все-таки разведка, вы же понимаете... – Ге-

нерал усмехнулся. – У нас свои источники.

– Понимаю. Со спутника засекли, что ли?

– Точно.

– Врете.

– Вру. Хотя лучше сформулировать иначе: излагаю пока только ту информацию, к которой у вас есть доступ. Но это не мешает вам продолжить рассказ о пещере.

Муртазин с Заяровым рассмеялись.

– Ладно, – Тимур одним глотком допил остатки чая. – Хотите знать больше? Извольте.

Глава 4. Тимур Муртазин

Я, конечно, мог прихватить себе в помощь Михалыча, но толку от него было бы мало. Нет, для своего возраста он очень даже ничего выглядит, но эксплуатировать старика не хочется. Когда он услышал от меня о найденном входе в пещеру, жутко заинтересовался. Предложил помощь, но получил в ответ отказ. Правда, самому хозяину квартиры, комнату в которой я снимаю, говорить об истинных причинах отрицательного ответа не стал, чтобы не обидеть.

– Заурядное событие, Михалыч, не беспокойся. Я и сам смогу.

– А какая высота там? До дна пещеры далеко?

– Точно сказать не могу. Фонарь подсел, луч до самого низа не дотянулся. Кинул камень – секунды полторы летел, пока не шлепнулся на дно.

– Полторы? Это же...

– Давай не будем делать предположений. Жаль, аккумулятор видеокамеры выдохся, а то можно было ее на веревочке в дыру свесить, с включенной подсветкой. Ничего, спущусь и увижу все своими глазами.

– Это опасно, Тим. Тебе необходима подстраховка.

– Да не нужен мне никто, сам справлюсь. А снаряжение для чего? Я все-таки скалолазанием, было дело, занимался. Да и вылазка эта всего лишь ознакомительная рекогносци-

ровка. Обещаю, что буду осторожен, Михалыч.

– Категорически осторожен!

– Конечно, как скажешь. Отращу глаза на затылке...

* * *

Словом, изучать пещеру решил отправиться однозначно в одиночку. Радимич надавал мне тысячу советов, хотя сам ни бельмеса не понимал в спелеологии. Разумеется, предварительно я хорошенько порылся в интернете, чтобы освежить свои познания. И узнал, что новичков спелеологи называют смешным словом – пудень...

Спуск в пещеру прошел вполне успешно, тем более, что дыра располагалась почти в самом центре ее свода. Пока спускался, несколько раз огляделся по сторонам. Пещера поражала своими размерами. До ее дна было, судя по длине веревки, около ста двадцати метров. Пустота в горе была цилиндрической формы диаметром в тридцать-тридцать пять метров. Стены сравнительно гладкие, дно устлано крупным песком вперемежку с каменными обломками. Еще я заметил несколько подозрительных провалов или узких щелей-шкурников – возможно, это были боковые гrotы, изучить которые решил впоследствии.

Я отцепился от троса и подошел к ближайшей стене. Исследуя ее поверхность, двинулся по кругу. В результате первичной разведки, обнаружил два больших прохода в сосед-

ние пещеры и парочку узких лазов, которые решил оставить на закуску – тем более, что мое снаряжение было скудным и лезть в эти дыры с ним было бы рискованно.

Соседние пещеры были тоже проходными, так же, как и следующие за ними. Я проходил сбойки каменных пустот и был до глубины души поражен их масштабами. В некоторых местах путь был закрыт обводненкой и для преодоления такой преграды необходимо водолазное снаряжение. Над другим проходом заметил «чемодан» – свисающий с потолка камень с острыми гранями, который мог рухнуть от малейшего сотрясения и смять в лепешку смельчака, решившегося проползти под ним. Я посветил, чтобы посмотреть, что там за опасным участком, и увидел несколько дыр, расходящихся по разным уровням – этажам. Сколько же времени нужно потратить, чтобы исследовать эти лабиринты... Какова протяженность системы пещер можно было только предполагать. О том, чтобы изучить их без тщательной подготовки не могло быть и речи. Я запульнул выкуренную до половины сигарету прямо под «чемодан» и пошел назад, не рискуя лезть под глыбу, которая может стронуться с места от любого сотрясения и раздавить меня, как клопа.

Домой я вернулся лишь вечером следующего дня. Подробно рассказал Михалычу о своих открытиях за ужином, во время которого влил в себя четыре больших чашки крепчайшего кофе и сел за комп. Старик притащил стул и устроился рядышком. Споря и ругаясь по поводу каждого пункта,

мы принялись составлять список необходимого снаряжения.

– У меня не хватит денег на эту прорву снаряги! – ярился я.

– Я тебе помогу. Без пещерной одежды тебе все равно не обойтись. Вот, смотри... Свободный, а главное, прочный комбинезон из авизента. И, главное, с наколенниками. Даже на спине и, пардон, на попе есть защитные заплаты. Ты сам говорил, что там полно гротов-шкурников. И тут вот у него в подмышках специальные накладки для спуска на веревках. Сколько он стоит, глянь.

– Йо-о... И стоит этот чудо-комбинезон как пара моих скутеров!

– Я помогу. Это будет мой вклад в предприятие. А еще снижу твою ежемесячную квартплату на... э-э... тридцать процентов.

– Семьдесят.

– Сорок.

– Пятьдесят пять.

– Пятьдесят.

– Старый жмот, – констатировал я, останавливая торг.

Михалыч пропустил оскорбление мимо ушей.

– Сапоги резиновые я тебе дам – две пары. Видишь, покупать не придется! И каску приобретать не надо, она у тебя имеется.

– Теперь давай посмотрим страховку – ремни всякие, карабины, пряжки... – обреченно вздохнул я, кликнув мыш-

кой.

Когда мы увидели стоимость водолазного снаряжения, то единогласно решили повременить с его приобретением. Цены реально кусались, а в системе пещер и без преодоления обводненных пещерных сбоек хватало объектов для исследования.

И все же Михалыч настоял на том, что он будет совершать вылазки вместе со мной. Нет, спускаться в пещеры он не будет — я настоял на этом. Мы договорились, что старик будет ждать меня наверху и поддерживать связь по рации. Хотя какая-то подстраховка.

Понятно, что исследование системы пещер в одиночку является идиотской авантюрой. Михалыч при всем желании не сможет сам спуститься под землю и прийти мне на выручку. Даже если он вызовет спасателей, нет гарантии, что пока они доберутся до места, от меня уже ничего не останется, или, если останется, то только мокрое место... Но привлекать кого бы то ни было пока не хотелось. Понимаю, что тщеславен, но упустить такой случай не могу и все! Это мой шанс. Всю свою сознательную жизнь я мечтал вырвать перо из гузки синей птицы. И вот такая возможность представилась.

Спустя десять месяцев исследований лабиринтов галерей и многочисленных образцов, собранных мною в подземных пустотах, мы с Михалычем поняли, что пещера Муртазина (так ее упорно называет старик Радимич) хранила в себе множество секретов. Тут непочатый край для ученых специ-

алистов самых разных отраслей.

Мною было принято решение все же приобрести водолазное снаряжение и попытаться исследовать обводненные пещеры. В одной из галерей обнаружился природный сифон, и мне не терпелось проверить, смогу ли преодолеть эту преграду, и если да, то узнать что там за ней. А потом... Потом можно будет заявить миру о своей находке и явить ему подробную карту вновь открытой системы пещер.

* * *

Сифон оказался с норовом и чуть не убил меня. Сначала все шло гладко. Нарядившись в обтягивающий водолазный костюм и закрепив на суше страховочный фал, я погрузился в кристально чистую холодную воду подземного колодца диаметром примерно в шесть метров. Яркий свет мощного фонаря осветил почти отвесные стены, уходящие вглубь горы. Грани каменных изломов отбрасывали жутковатые черные тени, сами играя разноцветными всполохами. Некоторое время зачарованно озираясь на окружающее величие. Но время шло, и надо было идти в глубину.

Мне и ранее приходилось заниматься дайвингом, но в других условиях – вода там была теплей, и не было стен, которые давили бы на психику, как в этом сифоне. Кажется, вот сейчас одна из этих фантастических теней накинется на меня, вооруженного одним единственным ножом... Я старал-

ся не думать об этом и планомерно погружался все глубже и глубже, не забывая сверяться с глубиномером.

Когда спустился ниже двадцати метров, то почувствовал упругое движение воды. Ноги в ластах потянуло в сторону. Обратил внимание на то, что стенки колодца внизу расходятся воронкой, а еще увидел черную дыру в стене и решил, что это, возможно, проход в соседнюю пещеру. Интересно, какова его протяженность? А вдруг этот тоннель окажется слишком длинным, или еще хуже – узким? Подумав с минутой, решил, что, не разведав все лично, ничего не узнаю и направился к его входу.

Чем ближе я к нему подплывал, тем отчетливее чувствовал хаотичное движение воды. Направление течения невозможно было определить. Меня тянуло то влево, то вправо. Я неосмотрительно подобрался к самому входу в подводный грот и в этот момент бешеный поток резко втянул меня в тоннель. Напор был настолько силен, что ничего нельзя было поделать – мои попытки плыть навстречу течению были тщетны. Из всех сил вцепился в шнур, пытаюсь с его помощью вернуться обратно, но меня швыряло из стороны в сторону, колотило об стенки грота. Это длилось до тех пор, пока я не почувствовал сильный рывок и понял, что страховочный фал оборвался! Видимо его перерезало острой каменной гранью. Поток увлек меня в недра горы.

Обрыв страховки был жестким ударом по нервам, но я понимал, что ситуация не та, чтобы волноваться о произошед-

шей беде – надо приложить усилия для своего спасения сейчас, сию минуту! Это в американском кино герои имеют время на то, чтобы хорошенько поорать и поблевать от испуга. Кстати, никогда не понимал тех, кто заблевывает все вокруг себя в мгновения панической атаки – это признак полной беспомощности и отсутствия мужества. Труссы на генетическом уровне, а что прикажете еще о них думать? В современных российских фильмах герои тоже подвержены рвотному рефлексу в любой стрессовой ситуации... Не верю, господа режиссеры! Со стакана водки, понимаешь, нормального россиянина не затошнит – дербалызнет и за руль садится – хоть бы хны.

Счет шел на секунды. Хорошо еще проход достаточно широк и его стены стали гладкими за тысячелетия непрерывной шлифовки водным потоком. Тело колотилось об них, и невозможно было ничего противопоставить этой силе... В какой-то момент меня с размаху ударило левым боком об каменный выступ. Гидрокостюм с треском порвался, и ледяная вода обожгла кожу, заполняя его изнутри.

Но и это было не так страшно. Нет, переохлаждение, конечно, тоже штука неприятная, но вряд ли летчик, катапультировавшийся из горящего в стратосфере самолета, задумается о вредном воздействии на его организм гипотермии, если его парашют не раскрылся. Больше всего сейчас я боялся за баллоны. Если с ними что ни будь произойдет, или оборвутся шланги подачи воздуха... Неистовый поток воды про-

должал кружить меня, но на стены уже не швырял. Фонарь продолжал работать и поэтому худо-бедно освещал заполненный водой тоннель, по которому меня с бешеной скоростью несло в неизвестность.

Каменная труба стала расширяться. Я почувствовал, что напор воды слабеет, стабилизируется. И вдруг моя голова вынырнула на поверхность. Это было так неожиданно, что я выронил изо рта загубник. Фонарик осветил невысокую, но обширную полость. Если бы не эта пещера, то подземная река уволокла бы меня неведь куда. Здесь русло расширялось и изгибалось, что замедляло течение подземной реки, и я, не теряя времени, начал усиленно грести к берегу.

Мне повезло, что здесь было мелко. Ноги вскоре коснулись дна, и бороться с течением стало легче. Именно в тот момент я осознал, как сильно замерз – ступни в ластах онемели. Меня трясло. Затравленно дыша, я кое-как добрал до покрытого крупным зернистым песком клочка суши, и упал на его мягкую поверхность.

* * *

Кое-как отдышавшись, я сел, кряхтя, снял с себя баллоны и ласты. Все тело вопило от боли в местах многочисленных ушибов. Жгло в боку, где была прореха в гидрокостюме. Отцепив от бедра второй фонарь, я осветил рану. Лоскут резины размером с ладонь взрослого мужчины свисал,

открывая багровое пятно ушиба. Кровь причудливыми изгибами затекала под костюм. Чрезвычайно болезненная ссади-на обильно кровоточила, но оказалась поверхностной – ка-менный выступ сбил небольшой кусок кожи с мясом. Мне повезло также в том, что ребра и другие кости оказались це-лыми. Из битвы с ледяным потоком я вышел сравнительно целым. Снять гидрокостюм оказалось нелегко. Под ним на мне был спортивный костюм, надетый на термобелье. Вид, конечно, не презентабельный, но ничего, не на ассамблею явился. Одежду я снял и, тщательно выжав, надел снова, ре-шив, что на мне она скорее высохнет. Жаль, что комбинезон остался наверху. Гидрокостюм на него не налезет. Он бы мне здесь очень пригодился.

Где же я оказался и как теперь отсюда выбираться? Прежде всего необходимо сделать инвентаризацию запаса в кармашках на поясе. Но прежде я собрал обрывок фала – это был кусок метров в восемнадцать. По месту обрыва можно было понять, что, как и предполагалось, веревку перереза-ло об острую грань камня, пока меня болтало на ее конце, как паучка на паутинке. Пошарив по поясу, я нащупал моток запасного фала. Ничего, обрывок тоже пригодится, подвешу его вместе с запасным.

Продолжая ревизию, я чертыхнулся, когда обнаружил пропажу рации в водонепроницаемом чехле. Вряд ли она здесь пригодилась бы, если взять в расчет глубину каменных лабиринтов, куда меня занесло. Просто было обидно поте-

рять этот гаджет...

Интересно, что предпримет Михалыч, когда поймет, что я уже не отвечу на его вызовы? Не хочется об этом думать... Нет-нет! Ни в коем случае нельзя отчаиваться. Ситуация тяжелая, это понятно. Но я жив и относительно цел. Необходимо отключить в себе мешающее здраво мыслить чувство страха перед неизвестностью. Чем я сейчас занимался? Делал ревизию имеющихся запасов. Вот и продолжай, Тимур! Выжить любой ценой – вот моя первостепенная задача. Ныть будем потом, когда выберемся из недр земли на белый свет.

Итак: нож в надежно закрепленных ножнах остался со мной. На месте также оказалась герметично закрывающаяся прорезиненная сумка с кармашками, укомплектованная лично мною жизненно необходимой мелочевкой: компасом, газовой зажигалкой, запасным фонариком-жучком, галетами, банкой тушенки, парой плиток шоколада и сигаретами и запасными аккумуляторами для фонаря и безвозвратно пропавшей рации. Еще здесь были компас, полулитровая фляжка с коньяком и термос с кофе такого же объема. Самое главное, что нашлось – это туго стянутые скотчем, запаянные в целлофан кроссовки и две пары прочных носков. Кроме того, я нашел в сумке компактную аптечку. Это хорошо, что загрузка оказалась целой и содержимое не намокло. Неизвестно сколько времени мне придется провести в каменных лабиринтах.

Есть мне пока не хотелось, стоило поберечь скудный па-

ек. Я вскрыл аптечку и обработал рану на боку перекисью. Бинтовать не стал – залепил ссадину пластырем. Распеленал кроссовки, надел носки и обулся. Потом встал, прошелся, прислушиваясь к своим ощущениям. Слава богу, внутренние органы мне, кажется, не отбило. С дрожью от холода справился, выполнив комплекс физических упражнений, правда, время от времени шипя сквозь стиснутые зубы от боли в левом боку.

Прежде всего, с помощью компаса я решил определить основные ориентиры. Потом откупорил жестяную баночку с сигаретами, выудил одну и прикурил, наблюдая за поведением выдыхаемого дыма – в какую сторону его потянет? Ага, если компас мне не врет, дымное облачко двинулось на юго-восток, то есть против течения подземного водного потока. Я посветил фонариком и прошелся вдоль бугристой стены. Пришлось войти по щиколотку в воду, и ноги моментально снова замерзли. За поворотом обнаружилось отверстие в стене, расположенное в полутора метрах от пола. Дым тянуло именно в эту дыру. Я докурил сигарету, втоптал окурочку на песок. Ухватившись за края, подтянулся и влез в отверстие в стене. Величина его была достаточной, чтобы протиснуться. Я вспомнил об оставленном на берегу акваланге. Тащить его с собой было бы затруднительно, поэтому эту мысль пришлось отогнать. Дорогу к спасительной отмели я знаю. Хотя она и рискованная, но при правильной подготовке, вполне проходима. Вернее, проплываема. Так что, баллоны и ласты

я заберу после, а сейчас надо думать только о спасении. Об ином исходе я старался не думать.

Ползти пришлось недолго. Метров через десять проход расширился и вскоре я смог идти в полный рост. Потом появилась очередная проблема, заключавшаяся в том, что грот привел меня в пещеру-сбойку, разветвлявшуюся в нескольких направлениях. Дым от вновь прикуренной сигареты вел себя непонятно – струился во все стороны одновременно, и мне пришлось решать, куда же направиться. Не мудрствуя лукаво, я остановил свой выбор на крайнем правом гроте, ведущем на восток. На всякий случай насобирав камешков светлой расцветки и у входа в него выложил из них стрелу. Потом шагнул в выбранный вход в очередную подземную галерею.

Пробираясь по неровной поверхности, я молил бога, чтобы этот грот не разбежался на новые проходы – в таком лабиринте легко заблудиться. Пройдя еще минут сорок, я дошел до поворота, за которым скрывался вход в пещеру, заполненную бугристыми наплывами слившихся сталактитов и сталагмитов. Луч фонаря оживил сонмы причудливо шевелящихся теней. Это было так неожиданно, что я застыл в ужасе.

– Фантазмагория, блин, – пробормотал я. – Чуть не обоссался...

Исследовав этот жуткий паноптикум, я пришел к неутешительному выводу, что сталактитовая пещера является ту-

пиком, и решил здесь отдохнуть. Тело ныло после купания в бешеном потоке подземной реки. Я чувствовал себя разбитым. У противоположной от входа стены обнаружилось чудо природного скульптурного мастерства – сталактиты здесь слились со сталагмитами, образовав подобие царского трона. Полюбовавшись этим изумительным творением природы, снял с себя сумку, взобрался на трон и, расположившись удобнее, налил себе стаканчик кофе. Махнув рукой – гулять, так гулять! – плеснул туда из фляжки коньяку. Помедлив еще, вынул сигарету...

Несмотря на порцию кофеина, усталость взяла свое, и я понял, что засыпаю. А почему бы и не вздремнуть? Неизвестно сколько еще мне предстоит блуждать по подземным галереям. Отдых был необходим. Положив пояс у подножия царского кресла и выключив фонарь, уснул.

* * *

Судя по часам, сморило меня почти на два часа. Сон был тревожный, я вздрагивал и просыпался. Несколько раз мне показалось, что слышу чьи-то голоса, смех и гневные крики. Причем, голоса были мужские и женские. Они звучали приглушенно, как будто за стеной, к которой приросла спинка моего трона. Я понимал, что мне все это снится, и засыпал снова.

Куцый луч фонарика осветил стену, из-за которой, как

мне пригрезилось во сне, слышались голоса. Сойдя с трона на землю, прижался ухом к холодной поверхности и просто-ял, прислушиваясь, минуты три. Разумеется, ни каких голосов не услышал.

– Слуховые галлюцинации... – констатировал я, обращаясь непонятно к кому. Возможно, к гипотетическому горному духу. – Что дальше?

Глотнув еще немного кофе и выкурив сигарету, подпоясался и, не оглядываясь, пошел к выходу.

До свидания, тронный зал.

Вернувшись в пещеру-сбойку, я переложил стрелу, сложенную из камешков, к входу в соседний грот и, перекурив, отправился его исследовать. Далеко продвинуться мне не удалось. Этот лаз был слишком узок и далее продолжал сужаться, пока не превратился в настоящий шкурник. Порядком исцарапавшись об угластые стенки, понял, что дальше не протиснуться, а ретироваться ползком задом наперед слишком опасно. С трудом развернувшись в узком лазе, я вернулся в пещеру-сбойку.

Таким образом я обошел почти все боковые проходы, таившие в себе тысячи опасностей: непреодолимые бездонные трещины, обводненку, лезть в которую я уже зарекся и прочие ужасы подземного мира. Лишь пятый лаз оказался проходимым настолько, что двигаться по нему пришлось в течение нескольких часов, и даже разок остановившись на отдых. Во время привала съел половину плитки шоколада и

повертел в руках банку с тушенкой. Нет, решил я, этот НЗ трогать еще рановато.

* * *

Переходя через ручей, струившийся между камнями, я поскользнулся и упал. Этот инцидент обошелся мне дороговато: часы разбились и намокли, а на правом предплечье появился глубокий порез, который, обработав, туго забинтовал. Хорошо еще, что связки не растянул.

Кружа по галереям, я потерял счет времени. Однажды не выдержал голода и вскрыл тушенку. Вскоре доел остатки шоколада. Коньяк решил приберечь, а кофе допил – в термосе теперь хранилась на удивление чистая вода, запас которой пополнял из довольно часто встречающихся источников. Сильно устав, выбирал сравнительно удобное место и засыпал. Голоса больше не снились. Спортивный костюм и белье под ним истрепались в многочисленных шкурниках. Надежда на спасение угасала, как постепенно угас запас энергии в аккумуляторах фонаря. Теперь мерному шороху моих шагов аккомпанементом звучало ритмичное жужжание фонарика-жучка. Идти стало тяжелее – вот уже несколько часов приходилось преодолевать крутой подъем. Сказывалось истощение – легкие побаливали, в ушах гудело, перед глазами мелькали радужные круги. Но было интуитивное понимание, что если этот проход ведет наверх, то есть надежда

набраться на выход наружу.

* * *

...Но вот однажды мне вдруг отчетливо понятно, что существующее положение настолько критично, что пора уже задуматься о вечном. Пищи у меня не было, и раздобыть ее было негде. Одной водой сыт не будешь. Кисти рук ныли от непрерывного нажимания на рычажок фонарика. Кстати, рычажок этот начало заедать. Так что, недолго мне тут бродить с фонариком карманным... Не помню, в чьих стихах?

Я одинок, но в микромире
Брожу с фонариком карманным.
И, если дважды два – четыре,
То остальное очень странно.

Странно было бы остаться тут, гусеницей в каменном коконе. Да-да, вдобавок, я заполз в такой узкий шкурник, что назад ползти уже не получалось – только вперед. Кожа на руках была содрана до плеч. Сумка с моими запасами осталась в недостижимости позади. Я в предистерическом состоянии упорно преодолевал сантиметр за сантиметром. Воздух раскаленной лавой выжигал легкие, пот ручьями тек со лба, заливал лицо.

Еще чуть-чуть... еще... Вот и все. Тело прочно закупо-

рило проход. Дышать было тяжело – каменная труба плотно сжала грудную клетку. Я пытался отталкиваться ногами, но и без того ободранные носки кроссовок безуспешно скребли по камню, не находя опоры. Назад ползти тоже не получалось – каменные клыки и заусенцы прочно вцепились в свою добычу. Так сказать, среда односторонней проходимости – только на тот свет... А что, гробница что надо. Пирамидальные апартаменты Хеопса по сравнению с моей потенциальной гробницей – жалкая мышьяная норка.

Но мне было не до смеха.

Совсем не до смеха.

Кромешный ужас затмил разум. Отчаянно хотелось жить...

* * *

...Сколько себя помню, я никогда не мог понять, что такое медитация. Не мало было прочитано специальной литературы о йоге, много всего мне рассказывал сенсей о способах очищения разума... Чистосердечно признаюсь: полностью отключить сознание у меня никогда не получалось. Именно здесь, в толще горы, я вдруг понял, что отдал бы всё за способность отключить сознание, отрешиться от того безграничного ужаса, охватившего меня в каменных тисках. Наверное, именно такие чувства переживает страдающий клаустрофобией человек.

Я изо всех сил сжал челюсти и застонал, изгоняя из себя страх. Начал вспоминать все то, о чем писали в тех книжках, и что говорил мне сенсей о медитации. Паническая атака постепенно стала ослабевать. Не знаю, сколько прошло времени, но в какой-то момент я все-таки успокоился. Расслабил все мышцы, начал контролировать дыхание. Представил себе светящийся шарик, свободно гуляющий внутри моего тела.

Вот он проплыл по ногам, освобождая их от черной жижи усталости и напряжения. Поднялся вверх по животу, проник в грудную клетку, ласковыми прикосновениями успокоил сердечную мышцу. Прокатился по рукам, проник в каждую клеточку моего организма...

Я переместился из реальности в иное измерение. Меня как будто вынесло вверх, выше самого неба, на границу с космосом. Подо мной медленно вращался вокруг собственной оси неописуемой красоты голубой, с синими пятнами морей и океанов, земной шар. Я тихо скользил по невидимой прохладной поверхности в произвольных направлениях. Подо мной проплывали знакомые очертания материков: Африка... Австралия... Евразия... Обе Америки... Время, как понятие, исчезло.

*** * ***

...Надо же было влезть в самый центр земли, чтобы на-

учиться медитировать. Глубоко вдохнув холодного воздуха и полностью выдохнув, я почувствовал, что мое тело освободилось из капкана. Стенки грота уже не так туго обхватывали меня. Еле заметными движениями я протолкнул себя еще на какое-то расстояние и... вскоре свежее дуновение ветра коснулось моей щеки.

Фонарик на секунду осветил проход впереди и – наконец-то! – стал виден черный провал выхода из шкурника. Жаль только, что надтреснутый вжик, изданный моим фонариком, оказался предсмертным. Что-то хрупнуло внутри прибора, и светоч приказал долго жить.

Дыхание срывалось, перед глазами вспыхивали искры... Тело сотрясала дрожь. Но мне удалось выползти из узкого лаза в кромешную тьму очередной пещеры. Я позволил себе какое-то время просто бездумно повалиться на холодном камне. Потом все-таки заставил себя сесть. Пояс с талии исчез. Карманы спортивного костюма были изодраны. Сам костюм – и куртка, и брюки, превратились в лохмотья. Термобелье еще держалось, хотя тоже изобиловало дырами. Но у меня оставалась зажигалка, хранившаяся на щиколотке под резинкой носка. Она была оснащена совсем уж микроскопическим фонариком, которого, возможно, хватит еще на полтора-два часа непрерывной работы. Газа в резервуарчике зажигалки, насколько я помню, было еще чуть меньше половины. Живем! Жаль, остатки сигарет исчезли вместе с сумкой. А курить от пережитого хотелось сильно.

Отдохнув в темноте, я встал и включил свой крошечный фонарик. Тусклый луч диаметром сантиметров в семьдесят показался мне лучом прожектора. Меня занесло в очередную пещеру-сбойку, напоминающую голландский сыр – столько в ней было дыр на разных уровнях. Я посветил в самую большую из них и различил в полумраке огромную глыбу, нависавшую над проходом – камень-чемодан. Место опасное, как я уже отмечал ранее. Нет уж, туда лезть не стоит. Столько раз можно рисковать жизнью? Боюсь, отпущенная доля удачи мною израсходована. И все же, шанс на спасение еще есть. Я не хочу быть раздавленным в лепешку каменной глыбой из-за глупой веры в чудо.

* * *

Острый язычок пламени зажигалки подрагивал, указывая мне прямо на проход с нависшей над ним глыбой. Нет, туда соваться не стоит. Я бродил по сбойке и поочередно проверял своим «индикатором» все встречавшиеся ответвления и щели, пока не нашел одно из отверстий, поток воздуха из которого заставил чуть-чуть накрениться пламя зажигалки. Может быть, мне только показалось? Голова кружилась от голода, глаза слезились, хотелось пить.

Заставив себя успокоиться, я шагнул в очередной черный провал. Сколько продвигался по нему, не помню. Помню только, что в кровь изодрал и так уже исцарапанные до ко-

стей колени и ладони, так как большую часть пути мне пришлось преодолевать на четвереньках. Уперевшись в тупик, я глухо застонал, но, сжав зубы, развернулся и пустился в обратный путь.

Сомнамбулическое остояние сменялось краткими минутами просветления. Очередная галерея кружила меня бесконечно долго, но привела в ту же самую пещеру-сбойку, там валялись лохмотья спортивной куртки, оставленной мною здесь после возвращения из тупика. И в этот момент свет последнего фонарика стал стремительно тускнеть, пока не потух совсем. Кромешная тьма облепила меня как паутина, черной сгустком влилась в рот, в уши, заполнила все закоулки души. Меня свалил глубокий обморок.

...Прошла минута, или, может быть, тысяча лет. Я потрогал свое лицо, проверяя открыты ли глаза. Вспомнил о зажигалке. Газ... Должен еще оставаться газ. С трудом выдернув из-под себя обрывок спортивной куртки, чиркнул зажигалкой и поджег его.

И все-таки у меня еще оставался шанс.

Я пополз к ходу с «чемоданом». Сунувшись в черный зев провала, подобрался поближе к нависшему камню и осветил узкий лаз. Первое, что мне бросилось в глаза, была недокуренная сигарета, лежавшая в полуметре от меня. С минуту мои глаза взирали на это чудо, мозг отказывался верить. Лоскут ткани догорел, обжег пальцы. В темноте я протянул руку и осторожно, как величайшую во вселенной драгоценность,

нащупал и взял окурок, поднес его к лицу, с непередаваемым наслаждением вдохнул родной запах...

Это был тот самый окурок, который я швырнул под камень в первый день моего появления в пещере.

– А еще говорят, соблюдайте чистоту экологии... – задыхаясь от счастья, захлебываясь слезами, пробормотал я и сунул в рот фильтр. – Как хорошо, что здешние пещеры не оснащены урнами.

Зажигалка чиркнула и одарила меня последней горошиной догорающего газа – его хватило ровно на то, чтобы прикурить. Первая же затяжка заставила кружиться голову. Лежа на боку возле «чемодана» я смолил найденный чинарик и плакал. Думать ни о чем не хотелось – сладкая истома разливалась по клеточкам организма. Спасен...

– Молодой человек! Как вам не стыдно курить в общественном месте? – послышался из-за глыбы сварливый голос Михалыча. – И где вы изволили слоняться так долго? Фу... надымил-то...

– Михалыч?! – Я поперхнулся дымом и закашлялся. – Ты... к-кха... кха... как здесь?!

– Как как... По веревочке спустился. Тебя тут искал. Ты что там, хнычешь, или мне послышалось?

– Нет-нет, я... так... запыхался, – давясь слезами, счастливо бормотал я. – Не вздумай лезть под камень! Сейчас, сам...

Отшвырнув обгоревший фильтр, забыв об опасности, уз-

ник пещеры пополз на голос Свободы.

Глава 5. Генерал Заяров

– Эта седая прядь у вас – последствия блужданий по пещерам?

Муртазин кивнул и махнул рукой.

– Не закрашивать же ее.

– Память не закрасишь... Но вы вели себя молодцом. Не всякий смог бы сохранить хладнокровие в подобной ситуации. Когда это произошло?

– Я думал, вы в курсе, Андрей Борисович, – разочарованно заметил Тимур. – Пару недель назад. Отлежался, отъелся... Ну и карту пещер примерную составил, частично по собственным зарисовкам в блокноте, частично по памяти – пока бродил там, делал отметки на всякий случай. Сейчас готовлю публикацию о своем открытии.

– О публикации говорить не будем – рано. А вот карта... Она ведь у вас в планшете? – Заяров покосился на рюкзак. – Покажите.

Заяров долго внимательно изучал карту на экране. Муртазин отвечал на его вопросы, уточнял детали.

– Вот он, шкурник с «чемоданом», где меня встретил Михалыч.

– Погодите со шкурником. Покажите еще раз карту. Меня интересует расположение пещеры, где вы нашли кресло из сталактитов.

– Тронный зал? – Тимур полистал файлы. – Вот она.

Генерал молча уставился на карту. Через минуту спросил, указав пальцем на изображение малюсенькой короны, заключенной в кружочек:

– Это и есть тот самый трон? У дальней стены?

– Точно.

– Именно здесь вы и слышали человеческие голоса?

Тимур смущенно улыбнулся.

– Ну да... Может, испарений каких-нибудь надышался.

Заяров не обратил внимания на его слова. Продолжая водить пальцем по карте, он задал очередной вопрос:

– А этот проход ведет к пещере, где вам удалось выбраться из водного потока, как я понимаю?

– Да. А вот здесь отмечен сифон. Дальше – начало пути, то есть самая первая пещера с выходом наружу.

– Понятно, понятно... Расстояния отмечены верно?

– Не совсем. Я не мог нанести точные расстояния. Например, как узнать, насколько далеко меня протащило по подземной реке?

– Согласен, никак. – Заяров взглянул на наручные часы, встал с кресла, подошел к сейфу и убрал в него планшет. – А этот камень, который вы называете «чемоданом», может свалиться и перекрыть ход?

– «Чемодан» – это сленг спелеологов. Да, он в любой момент может грохнуться. Держится только на честном слове.

– То есть, по этому проходу лучше не идти?

– Я там еле протиснулся – вся спина исполосована. Уж больно домой хотелось... А вы у меня планшет насовсем забрали? У меня там личные записи. Ну и... – Муртазин добавил сварливую нотку, – собственность все-таки.

Генерал улыбнулся.

– Не переживайте, будет у вас планшетный компьютер. Такого вы и не видели раньше. Супер. Но попозже. А сейчас предлагаю пообедать, Тимур Хасанович. Как вы насчет перекусить? Заодно с людьми познакомитесь, в теплой, дружественной, так сказать, обстановке.

– Не вижу смысла отказываться.

– Правильно заметили.

* * *

В офицерскую столовую Заяров с Муртазиным добрались пешком. Обед был накрыт на двух сдвинутых вместе и накрытых белоснежной скатертью столах – сверкающих чистой приборной посудой было приготовлено на шесть персон. Генерал сел во главе стола и жестом пригласил Тимура занять место по левую руку от себя.

– Прошу. Сейчас подойдут еще люди. – Он оглянулся в сторону дверей. – Вот, кстати, и они.

В зал один за другим вошли четверо мужчин в одинаковой камуфляжной форме без знаков различия. Они молча расселись. Тимур, не скрывая любопытства, вглядывался в

их бесстрастные лица.

– Здравия желаю, товарищи офицеры, – буднично произнес Заяров. – Пока принесут обед, предлагаю вам познакомиться с Тимуром Хасановичем Муртазиным.

Мужчины поздоровались. Восемь пар глаз вперились в Муртазина. Он смутился, но, не желая, чтобы кто-нибудь это заметил, расслаблено откинулся на спинку стула и поочередно кивнул каждому из тех, кого представлял ему генерал Заяров:

– Напротив меня, Тимур Хасанович, сидит подполковник Ярмуратий Сергей Сергеевич. Он является командиром боевого подразделения спецназа ГРУ. Позывной – Медведь.

Ярмуратий был широкоплеч, имел мощную, нестигаемую на вид шею, крупную, лобастую голову с короткой прической, слегка подсеребренной в висках. Жесткий взгляд светло-карих, тигриных глаз на миг впился цепким взглядом в Тимура.

– Его заместитель, сидящий по левую сторону от подполковника – майор Громов Валерий Александрович.

– Соратники Громом дразнят, – добавил и широко улыбнулся голубоглазый блондин. – По фамилии, значит.

Лицо зама было шишковатым, мясистым и добрым, как и его улыбка. У этого офицера плечи были еще более широкими, чем у его командира. Тимур обратил внимание на поросшие светлыми волосами крупные руки майора – в них чувствовалась скрытая мощь.

Заяров представил следующего мужчину, сидевшего рядом с Громом:

– Донцов Дмитрий Алексеевич – капитан спецназа ГРУ. Позывной – Леший. – И, как бы стараясь оправдать необычное прозвище капитана, добавил, – Дмитрий у нас из кержаков, потомственный охотник, следопыт.

– Вышел за из тайги за солью, его поймали и в армию забрали... – подхватил комментарий генерала сидевший рядом с Тимуром чернявый боец.

– Ну, а этот шутник и любитель перебивать начальство – капитан Карандыш Иван Викторович.

– Разрешите, я сам, товарищ генерал?

Заяров ухмыльнулся и кивнул. Улыбчивый капитан вскочил и обратился ко всем присутствующим:

– Закономерно было бы ожидать, что у капитана по фамилии Карандыш и позывной, соответственно, должен быть...? – он вопросительно уставился на меня, как, впрочем, и все остальные. – Ну, угадаешь мой позывной?

Я пожал плечами.

– Уж точно не Карандаш – это слишком очевидно, если взять во внимание апломб, с которым ты все это преподносишь.

– Срезал, – констатировал Гром.

– Карандаш он, точно Карандаш, – произнес тихо, как будто самому себе, Леший. – Клоун был такой.

Ярмуратий молчал. Его лицо было предельно серьезным,

но в глазах все же бегали веселые искорки.

Но я не закончил, и поэтому остановил комментаторов жестом.

– Так вот, ты не Карандаш – такой позывной для спецназа ГРУ явно не годится. Поэтому считаю, что он у тебя, скорее всего, производное от имени – Иван. Полагаю, твой позывной либо Ваню, либо Жан. Судя по твоей гипертрофированной тяге к выпендрежу, вероятнее всего второе. Таким образом, я прихожу к выводу, что ты – Жан.

Все замолкли. Заяров удивленно поднял брови. Карандыш рассмеялся и сел на свое место.

– До великого клоуна Карандаша мне далеко – это был талантище. Позволь представиться: я действительно Жан. Но как ты, черт возьми, угадал? Или твой позывной Вольф Мессинг? Товарищ генерал, это вы ему сказали!

– Ничего я ему не говорил, капитан. Теперь представлю вам, товарищи офицеры, Тимура Хасановича Муртазина, с которым вам в ближайшее время предстоит поработать.

– Гламурная седины у тебя, Муртазин, – опять влез Карандыш. – Дашь номер стилиста?

– Капитан, угомонись. – Нахмутив брови, остановил весельчака генерал. – Позывной своему новому коллеге, полагаю, вы придумаете сами. Только без фанатизма, Карандыш.

В это время в зале появились двое парней в белых фартуках поверх камуфляжа. В руках у них были заставленные подносы.

– Горячее подавать, товарищ генерал? – спросил один из них Заярова.

– Да, обязательно. Пообедаем, товарищи. О деле поговорим на сытый желудок.

* * *

Пока мужчины расправлялись с нехитрым, но очень вкусным и сытным обедом – наваристым борщом, котлетами с картофельным пюре и компотом, генерал Заяров, поддерживая легкую беседу за столом, анализировал свои впечатления от Муртазина.

Тимур ему импонировал. Его мужество, проявленное в блужданиях по подземным галереям, не что иное, как проявление волевого характера, здорового упрямства. Один, без надежды на помощь, в крошечной тьме... Не всякий сможет бороться за свою жизнь так упорно, без истерик, до самого конца, на самой грани возможностей, пока есть хотя бы микроскопическая надежда на шанс.

Безусловно, этот парень неплохой интуит. Как он повел себя за столом с офицерами спецназа ГРУ? Достоинства не терял, вел себя с ними на равных, быстро сориентировался в обстановке. Когда Жан назвал его на «ты» и начал хохмить, Муртазин органично перенял его манеру, успешно сыграл в предложенную игру и даже сумел удивить издававшую виды элиту разведывательного управления. И все это при том, что

Муртазин до сих пор не знает, с какой целью его доставили сюда, в засекреченную воинскую часть. Другой человек на его месте закатил бы истерику, или заколлапсировался бы в коконе страха и недоверия.

Посмотрим, как он поведет себя, когда узнает для чего он здесь, подумал Заяров, допивая компот из сухофруктов. С его тягой к авантюрам и острым ощущениям предложение генерала Муртазин должен принять. Да и куда он денется... Сценарий уже начал разыгрываться, роли распределены. Режиссеру осталось только скомандовать «Мотор!».

Глава 6. Тимур Муртазин

Обед, прямо скажем, был без изысков. Наваристый борщ со сметаной, котлета, втиснутая в картофельное пюре с подливой, салат из тертой свеклы (тоже со сметаной) и традиционный компот. Но приготовлено было очень вкусно, и я даже попросил еще одну котлету. Правда, не потому, что хотел кушать, а... Ну захотелось мне потребовать еще одну котлету, вот и все.

Когда все насытились, Заяров предложил перейти в его кабинет мне и подполковнику. Остальным он приказал заниматься делами, не уточнив, правда, какими именно. Видимо, офицеры были в курсе, потому что ушли, не задавая вопросов.

В кабинете мы с Ярмуратием уселись на стулья, а генерал занял свое законное место хозяина кабинета – в кресле с высокой спинкой во главе стола. Я прихватил с журнального столика пепельницу и закурил, не спрашивая разрешения, за что был награжден неодобрительным взглядом Медведя.

– Понимаю, Тимур Хасанович, что у вас накопилось много вопросов по поводу происходящего. И ценю вашу выдержку. – Заяров, не вставая с места, дотянулся до сейфа и достал из него мой планшет. – То, что я вам сейчас расскажу, является секретом государственной важности. Чтобы вы до конца поняли меня, уточню – информация эта исходит с

самого верха государственной власти...

Я покосился на портрет Президента и прервал генерала, заработав еще один свинцовый взгляд Ярмуратия:

– Подождите, Андрей Борисович, стоп. Пока вы не начали выдавать мне государственные тайны, тем более такого уровня, я хочу спросить: а на что это мне? Стоит ли ставить меня в такое положение? Ведь, если я буду посвящен в тайну, то выхода у меня уже не будет, не правда ли? А хочу ли я этого, спросите меня – нет, отвечу я. Не нужны мне эти тайны мадридского двора. Вас интересует мой планшет? Забирайте. Черт с ними, с моими личными записями. Черт с ней, с пещерой – забирайте. Найду еще. Мало ли пещер... Где мне расписаться за неразглашение секрета? Ведь кое-что я, против своей воли, успел узнать, но совсем незначительное. Или этого хватит, чтобы пустить мне пулю в затылок? Если нет, то спасибо вам за вкусный обед, господин генерал, он напомнил мне общественные столовки из моего детства. Но на меня не рассчитывайте. Я лицо гражданское. И хочу им остаться. Предлагаю считать произошедшее сегодня неудачным розыгрышем. Идет?

Они переглянулись. Заяров вздохнул и придвинул ко мне планшет.

– Пуля в затылок... Предложение интересное. – Он кисло улыбнулся и добавил, с нарочитым сожалением в голосе, – Сейчас не тридцать седьмой год. Тимур Хасанович, с того момента, как вас привезли в расположение этой части, вы

являетесь лицом призванным по соображениям сохранения государственной безопасности. Вы военнообязанный гражданин Российской Федерации. Ситуация такова, что вы не можете, не имеете права отказаться послужить Родине. Вы не женаты, у вас нет детей.

Он еще что-то продолжал говорить, но я уже не вслушивался в слова. Меня бесило то, как они обстрепали вербовку – с вежливыми улыбочками, даже на истребителе покатали, чаем с лимоном напоили и обедом накормили. Шпионы, мать их...

– Вы знаете, Андрей Борисович, – снова перебил я Заярова, стараясь не смотреть на Медведя. – Вы столько всего тут наговорили... Ненароком подумал – я что, типа Избранный, что ли? Никто кроме меня, так? Вы меня сюда привезли мир спасать? От кого, от инопланетян? Что там такого необычного, под землей? Мне уже интересно, как вы обоснуете вашу банальную вербовку?

– Ну вот, теперь вы сами себе противоречите. То отбрыкиваетесь от наших секретов, то требуете подать их вам на блюдечке. – Генерал вздохнул. – Я предлагаю следующее. Давайте все же рискнем, Тимур Хасанович. Я сейчас объясню вам ситуацию, а вы, исходя из услышанного, примете решение помогать нам, или нет. Идет?

«Идет?»... – это он меня передразнил. Я осмелился посмотреть на подполковника Ярмуратия и снова почувствовал на себе пронзительную цепкость взгляда его тигриных

глаз. Ну как с ними разговаривать? Они же профессиональные шпионы. Я для них даже не орешек, чтобы меня разгрызть. Так, пиджак гражданский – пожевать, да выплюнуть... Но чего-то же я им понадобился?!

– Давайте, выкладывайте, что там у вас случилось, – тон мой стал деловитым.

Заяров, как будто знал, что мое сопротивление иссякнет. Он снова пододвинул ко мне планшет.

– Тронный зал, как вы его называете. Откройте карту. Меня интересует, сможете ли вы повторить путь до тронного зала в составе группы спецназа ГРУ? То есть, вместе со снаряжением, разумеется.

– Вы хотите сказать, что я должен провести ваших бойцов сюда? – Я нашел нужный файл и ткнул пальцем в пещеру с крестиком. – Но для чего?

– Сначала решим, *как* это сделать. А *для чего* – вопрос второй. Тимур Хасанович, можете вы уверенно сказать, что пройти через сифон и попасть в нужное место реально возможно, или все-таки придется идти через проход с так называемым «чемоданом», то есть идти по длинному и не вполне ясному маршруту?

– Идти надо сквозь сифон, бросьте вы свои «чемоданные» настроения... Главное, продумать, как это сделать без потерь. Например, прочный трос с противовесом, чтобы груз на другом конце об стенки трубы не бился. Мало ли у вас в конторе Кулибиных.

И тут подал голос подполковник Ярмуратий:

– Мы продумаем эту часть операции, товарищ генерал.

– Хорошо. – Заяров удовлетворенно кивнул. – Идея с тросом довольно убедительна, прокачайте этот вариант. Итак, остановимся на маршруте с сифоном. Вы, Тимур Хасанович, нарисуйте подробный план затопленной пещеры, месторасположение отверстия, через которое вас затянуло течение. Отметьте глубину, ориентиры.

– Понимаю. Теперь объясните мне, пожалуйста, для чего нам туда проникать?

– Вы позволите? – вступил в разговор Медведь. Генерал кивнул. – Помните, Тимур, вы слышали голоса в тронном зале?

«Голоса-то я помню, разве такое забудешь – подумал я. – Но я не помню, чтобы рассказывал тебе о них... Значит, подполковник слушал наш с генералом разговор».

– Помню, и что?

– Есть информация, что голоса реальны. По соседству с пещерой, где вы спали, за стеной находится секретная база террористов. Вот туда-то нам и надо проникнуть. Поскольку вы уже проходили этим маршрутом, ввиду исключительной важности операции именно вам предстоит провести мою группу в ту пещеру.

– База террористов? Откуда... Ладно, допустим. Неожиданно, конечно. Теперь мне понятно – хотите пробить стену. Раз я слышал голоса, значит она совсем тонкая. Если там

база злодеев, то это означает, что есть, по крайней мере, еще одна возможность попасть в систему пещер. Возникает вопрос: стоит ли переть через толком неразведанный черный вход, рискуя неожиданными поворотами сюжета, когда можно войти с парадного входа?

– Исключено. Нет, в ходе операции наземные силы, конечно, будут задействованы. Они атакуют подступы к входу на базу, но это будет отвлекающим маневром, поскольку террористы удерживают под землей заложников – гражданских лиц. Поэтому нам важно проникнуть в их логово скрытно, когда основные силы боевиков будут заняты боем. Они оставят с заложниками пару-тройку бойцов, с которыми нам предстоит разобраться. Вам лично участвовать в обезвреживании боевиков не придется – ваша роль минимальна – быть нашим проводником.

Подполковник замолчал. Его сменил Заяров:

– На подготовку у нас есть чуть больше месяца. Вы будете соответствующим образом подготовлены – сокращенный курс специальных тренировок, ознакомление с оружием и снаряжением спецназа... ну и так далее. Не хочу вас пугать, но в ходе операции возможны разные случайности, варианты развития событий непредсказуемы... Конечно, работать будут профи, но...

Ага! Вот оно, то, что не давало мне покоя! Я привычно перебил генерала:

– Да понимаю я, что вы меня уговариваете. Тренировки,

так тренировки. Даже интересно. Турник, брусья... полоса препятствий... И борщ, к тому же... очень даже...

Бормоча эту чушь, я думал совсем о другом. Все, что касается плана спецназовцев, мне было понятно. Но мне никак не удавалось сообразить, каким образом они узнали о моем существовании, о пещере, о тронном зале и голосах за стеной пещеры? Кроме того, рассказ о том, как я миновал сифон, настолько прозрачен, что имея в запасе время на подготовку, не лучше ли было им использовать эти «чуть больше месяца» на проработку маршрута через сифон и освобождения мифических заложников без участия гражданского «пиджака»?

Ответы на эти вопросы я решил найти сам. Даже если для этого мне придется согласиться на предложение, от которого нельзя отказаться.

– ...особенно котлета. – Я закончил нести бред и уже по-другому взглянул на подполковника и генерала, удивленно уставившихся на меня. – Идет, товарищ генерал, согласен. Подполковник, где мой парабеллум? Вы же мне его дадите?

– Непременно, – озадаченно пробормотал в ответ подполковник. – А почему именно парабеллум?

Заяров беззвучно рассмеялся.

* * *

Вечером подполковник Ярмуратий сводил меня в сани-

тарную часть, где хмурый военный врач наскоро осмотрел меня и дал заключение о том, что я совершенно здоров и годен к строевой службе. Мутный тип... Мне даже не захотелось говорить ему о своей близорукости и контактных линзах, которые ношу уже не один год.

Я помылся в душе, после чего мне выдали камуфляжную форму, ботинки с высокой шнуровкой. Жить мне предстояло в одноэтажном офицерском доме на две семьи: в одной из квартир ютились мы – вместе с Громом, Лешим и Жаном. Во второй жил подполковник Ярмуратий. Ребята встретили меня гостеприимно. Пообщавшись накоротке, я понял, что завышенной самооценкой они, слава богу, не страдали. Вели себя просто, без выпендрежа, раздутое элитно-спецназовское эго не излучали. Как выяснилось в разговоре, обо мне они кое-что знали, но не в подробностях.

– Я так и не понял, чем конкретно ты занимался, Тим? – спросил меня Жан, наблюдая, как я примеряю новую форму. – Судя по тому, что о тебе рассказали, ты брался за многое, но долго нигде не задерживался. Менял места жительства как перчатки – это симптоматично. Ты, часом, не в федеральном розыске? Интерпол тебя не ищет? Ну-ка, дай взгляну на твой фейс вплотную. Изучу на предмет шрамов от пластической операции.

– Нет у него шрамов, – пробурчал Леший, кутивший возле форточки. – Я бы заметил. Что ты пристал к человеку, Вань?

– Я не пристал, мне просто интересно. Надо же знать, с

кем я буду делить, хе-хе, последний кусок пайки!

– Как бы это точнее выразиться... наверное, я – краевед. – Я наконец-то нашел, что ответить дотошному спецназовцу.

– Краевед? – Жан хмыкнул. – В каком смысле?

– Ну... мне интересно знать все о том крае, где я живу. В понятие край для меня входит не только родной город, или область, а вообще вся земля, то есть суша, вода, небо... Не просто путешественник или турист, вояжирующий в поисках экстрима, а именно краевед. Такое вот понятие.

– Я бы даже сказал, философское, – добавил от себя Гром. – Ты так все объяснил, что, думается, все мы немного краеведы. Леший, туши сигарету и чтобы больше в помещении не курил, ясно? Во дворе есть специально отведенное для этого место.

– С этим все ясно, – не успокаивался Жан. – Теперь, я считаю, необходимо придумать тебе правильный позывной. Предлагаю называть тебя коротко и со вкусом – Край.

– Край? – удивился я. – Почему Край?

– Ну дык потому что краевед, сам сказал! В бою называть тебя полным словом «краевед» будет неудобно, поэтому, коротко и со вкусом – Край. Товарищ майор, как вам, а?

* * *

Несмотря на свой позывной, Гром был на удивление негромким человеком. Говорил он вполголоса, но веско, по

сути. В нем чувствовались долгие годы физической и психологической тренировки, опыт, сказавшиеся на манере поведения. Движения его были точно выверены, реакция феноменальна. Я заметил это, когда нечаянно уронил планшет. Неуловимо молниеносным движением Валерий поймал гаджет у самого пола и с невозмутимым лицом положил его на столик. В дальнейшем Гром часто ненавязчиво помогал мне советом, всегда был готов прийти на выручку. Это здорово, когда ты знаешь, что рядом есть такой надежный человек.

Леший с Жаном тоже оказались замечательной сплоченной командой и отличные мужики по отдельности. Леший, он же Дима, обучал меня хитростям снайперского дела и умудрялся в два, от силы три предложения вложить чуть ли не полугодовой курс теории этого искусства. Именно искус-

– Точность, Край, – это вежливость снайпера, – любил повторять он.

Леший также заставлял меня изучать устройство и характеристики огнестрельного оружия спецназа ГРУ.

– Иди сюда, Край. Познакомлю тебя со своими друзьями, которые не раз выручали меня в бою, – сказал он, подводя меня к столу с разложенным на нем оружием. – Начну с «Винтореза». Вот он, слева, видишь? Это снайперская винтовка бесшумного действия. Весит два с половиной килограмма – всего ничего. Длиною в восемьсот девяносто четыре миллиметра. Калибр девять миллиметров. Стреляет

как одиночными выстрелами, так и очередями. Прицельная дальность четыреста метров, емкость магазина двадцать патронов.

Я взял винтовку в руки, прицелился.

– Положи, успеешь еще. – Леший указал на следующий ствол. – А это что, по-твоему, Край?

– Похоже на еще одну стреляющую штуку. – Я не стал говорить ему, что прекрасно знаю, что это за «штука». Просто решил – пусть потешится...

– Похоже... – передразнил он меня и любовно погладил автомат. – Эта «стреляющая штука» – бесшумный автомат «ВАЛ». В ближнем бою незаменимая вещь. Длина его восемьсот семьдесят пять миллиметров, вес без патронов всего два с половиной килограмма. Производит восемьсот выстрелов в минуту. Прицельная дальность четыреста двадцать метров. Штатная емкость магазина – двадцать патронов.

– Мясорубка, по-другому не назовешь.

– Брось ты эту кухонную терминологию. Это боевое оружие, и его надо уважать, относиться к нему бережно и вовремя чистить.

– Мне бы что-нибудь попроще и покомпактнее. Вот этот пестик, например. – Я взял со стола пистолет. – Удобная вещь, и спрятать легко.

– Пестик у тебя в штанах, боец. А это – пистолет...

– ...именуемый «глоком». Да знаком я с его характеристиками, Леший, поверь!

– Верю. От чего же не поверить? – добродушно отозвался выходец из тайги, забирая у меня пистолет. – Но ты же знаешь: повторенье мать ученья. Поэтому напрягись и слушай сюда, боец...

* * *

Весельчак Жан тоже не остался в стороне – командиром ему было поручено поднатаскать меня в мастерстве рукопашного боя. Когда Иван привел меня в спортзал, я с сомнением оглядел его фигуру. Ниже среднего роста, на вид вовсе не качок... Как бы не сломать такого.

Но по-другому я взглянул на него, когда он снял верхнюю часть формы и остался в майке. Жан был из тех атлетов, чьи мускулы не выпячиваются, как у культуристов, но их четкий рельеф выдает в человеке тренированного бойца. Он был гибок, стремителен и, как мне показалось через пять минут, непобедим.

– Эх ты, десантура... – печально покачал он головой, в очередной раз уложив меня на спортивный мат серией молниеносных ударов. – А если бы на мне не было перчаток, а удары я наносил в полную силу? Впрочем, неплохо для гражданского лица. Чувствуется, что тебя тренировал опытный боец, только вот жаль, что ты его уроки усвоил на «троечку».

Проверив мои боевые навыки, Жан начал обучать меня непосредственно приемам, определенным связкам ударов,

навыкам вырубания одного, двух и нескольких противников из разных позиций, скоротечному бою в ограниченном пространстве... Через два часа тренировки я еле-еле помылся в душе и с трудом дополз до койки. Вспомнив брошенные Иваном мне вслед слова – «Завтра поучимся ножевому бою», застонал в жесткую подушку.

Гром обучал меня подрывному делу, хотя я никак не мог понять, для чего мне это.

– Валера, для чего мне знать все про эти долбаные мины и прочие фугасы? Я в саперы не нанимался!

Валерий, добродушно улыбаясь, возражал:

– Всяко может быть в жизни, Тимурка. Учись, авось пригодится. Вот, например, возьми-ка вон тот шпинделек... Дай сюда. Этот шпинделек, если говорить по науке, называется... – и продолжал невозмутимо объяснять мне предназначение запчасти очередной адской машины.

* * *

Личный планшетный компьютер мне так и не вернули. Вернее, во время последнего разговора с Заяровым, он выложил его передо мной на стол. Потом, помедлив, достал из сейфа плоский прямоугольный предмет черного цвета. Генерал нажал на незаметную кнопку с одного из торцов предмета и девайс раскрылся как книга.

– Думаю, что вы предпочтете эту модель, Тимур Хасано-

вич, – сказал он, похлопав по черной поверхности кончиками пальцев. – Такой вам видеть не доводилось, это я вам говорю. Секретная разработка. Таких всего с десятков изготовлено. Взгляните.

Секретная приблуда мне действительно понравлась, хотя я еще не видел эту штуку в деле. На черной поверхности не было никаких надписей или рисунков. Материал, из которого был изготовлен корпус, мне был не знаком. Единственное, что я понял – это не были ни пластмасса, ни металл.

– У планшета металлокерамический корпус, – ответил на мой мысленный вопрос командир. – Экран тоже непростой.

Я с умным видом кивнул в ответ Заярову, хотя его уточнение для меня ничего не прояснило.

– Экран? А где же он... экран?

– Сейчас увидите. Приложите палец вот в эту выемку сбоку. Вход осуществляется после сканирования ваших биоритмов.

Я ощупал предмет и действительно нашел пальцем небольшую вмятинку в указанном месте. В воздухе над девайсом почти сразу же возник светящийся шарик. Не было паузы, необходимой для загрузки операционной системы. Планшет включился сразу. Но я не мог понять, где же, собственно, экран?

– Соберите пальцы в щепоть и сделайте движение, как будто хотите растянуть шарик вширь.

Я послушался и чуть не уронил чудо гаджет – светящий-

ся шарик моментально увеличился в размерах, превратившись в многомерный голографический экран. Я продолжал произвольно шевелить пальцами, и экран вдруг вырос до невероятной величины, заполнив собою почти половину кабинета.

– Эй, он продолжает расти! Как остановить его?!

Генерал тихо засмеялся.

– Я тоже сначала был огорошен... Просто скомкайте картинку, как бумажку, она и уменьшится. Не торопитесь. Практикуясь, вы найдете правильный алгоритм жестов. Сейчас можно убрать планшет – после разберетесь.

Закрыв чудо секретной мысли, я с облегчением выдохнул. Потом с недоверием в голосе пробурчал:

– Ишь ты, техника будущего... Смущает только одна особенность – не демаскирует ли меня это светящееся совершенство в условиях выполнения секретного шпионского задания? Представьте: ночь, крошечная тьма, я нахожусь в глубоком тылу врага, включаю эту штуку... и вдруг такая иллюминация!

– Там разные режимы работы, в том числе и скрытый. Говорю же, потом разберетесь, в компьютере есть подробная инструкция. – Генерал указал на мой старый планшет. – Ну как, свой старый тоже заберете? Если что, файлы с него уже скопированы в новый планшет.

– Оставлю вам на память. Все равно вы всё обо мне знаете. Никакого личного пространства, блин. Шпионы, что с вас

возьмешь...

Генерал усмехнулся.

– Теперь вы тоже шпион. Привыкайте к нашим методам работы.

* * *

Подполковник Ярмуратий появлялся нечасто, но если это случалось, то тренировки начинали напоминать аврал на морском судне во время шторма. Он заставлял нас по несколько раз подряд проходить полосу препятствий, работать группой во взаимодействии. Проверял, насколько я усвоил преподанные моими новыми учителями навыки. Держался командир несколько суховато, был немногословен, и у меня создалось впечатление, что я ему просто не нравлюсь, как человек, далекий от того, чему он посвятил всю свою жизнь. Такая вот личная неприязнь. И особенно обидно было, что он ни разу не поругал, и, тем более, не похвалил меня. Ему, как будто бы было все равно, готов я буду к рейду в пещеры, или нет. В неодобрительно-презрительном взгляде Ярмуратия явственно читалось: «Хороший краевед – мертвый краевед» – и это меня злило.

Примерно через месяц после начала подготовки к операции Медведь явился на тренировку по рукопашному бою. Мы собирались отработать схватку с несколькими противниками. Дело происходило на уличной спортивной площад-

ке.

Против меня были трое спецназовцев – Гром, Леший и Жан. Я не заметил прихода командира, так как сконцентрировался на предстоящей схватке. Догадываясь, что мне сейчас неизбежно наваляют, как это случалось раньше, но мириться с таким финалом все-таки не собирался и готовился дать им хоть какой-то отпор. Не я ли в свое время одержал дюжину побед на ринге?!

Жан всегда твердил мне, что реальный бой на выживание не имеет никаких правил, кроме одного – только победитель останется в живых. А это значит, что для достижения цели любые средства хороши. Но как возможно взять верх над тремя элитными бойцами спецназа ГРУ мне, давным-давно забывшему запах армейских портянок?! Они это тоже понимали и, по всей видимости, были озабочены лишь одним: как бы не прибить меня ненароком слишком сильно. И поэтому, когда эти трое ждали от Грома сигнала к началу схватки, я начал бой раньше, и с неожиданного для моих противников маневра.

– Да достали вы меня уже – трое на одного! Идите вы все в жопу со своей операцией! – вдруг заорал я, сдирая с себя майку. – Надоело! На, держи!

И швырнул ее Жану в лицо. Последовавший сразу за майкой сокрушительный удар ногой по тестикулам буквально снес оторопевшего спецназовца с ног. Я не ожидал, что он упадет, что такое вообще может случиться, но и Гром с Ле-

шим тоже не ожидали такого. Оставив валяющегося Жана между собой и Громом, я вихрем налетел на Лешего, но отнюдь не с ожидаемой для профи серией отработанных раньше ударов. Я просто влупил ему по морде со всей безграничной дури – правой! левой! – как обыкновенный рыночный драчун. И сразу же упал. Упал сам, не ожидая контратаки противника. И вовремя! Потому что на меня, как оказалось, тараном неся Гром. Заместитель командира группы элитного спецназа со всего маху споткнулся об меня и вцепился животом в голову наклонившегося вперед Лешего. Оба спецназовца повалились.

Я, не вставая, скукожился на земле в позе зародыша и по-бабьи завизжал:

– Ой, простите, дяденьки! Не бейте! Я не нарочно!

В следующий момент громоподобный хохот заставил вздрогнуть верхушки деревьев, аккуратным армейским строем росших по краю вдоль спортплощадки. Я снял руку с лица, обернулся на смех и не поверил своим глазам: это ржал Медведь.

Глава 7. Генерал Заяров

Генерал, по обыкновению, смеялся беззвучно. Подполковник Ярмуратий, прищурившись, наблюдал за реакцией Заярова.

– Что, так и закричал – «простите дяденьки»? – Аккуратно, самым кончиком носового платка, генерал вытер выступившие слезы. – Вот вам и краевед... Трех твоих волкодавов как щенков раскидал.

– Капитан Карандыш ему подыграл.

– Это сам Карандыш говорит?

– Он ничего не говорит. В санчасти отлеживается. Неплохо ему Край приложил...

– Жить будет?

– И не такие удары держал.

– Значит, это ваше предположение, что Жан подставился?

– Так точно.

Генерал покачал головой. Лицо его стало сосредоточенно-серьезным.

– Нет, Медведь, я думаю, что Жан пропустил этот удар не нарочно. Я просмотрел видеозапись инцидента на спортивной площадке. Вы обратили внимание, с какой скоростью действовал Муртазин? Я скину вам видеофайл, попробуйте. Полагаю, смешное в этой ситуации вытеснило в вас способность бесстрастно анализировать произошед-

шее на ваших глазах и констатировать факт беспрецедентной скорости передвижения бойца. Да и сила, с которой он наносил удары, на мой взгляд, превышает возможности человека его конституции. Муртазин сам не знает, на что он способен. У меня возникло чувство, что он действовал в состоянии боевого транса.

– Невозможно, – возразил Ярмуратий. – В такое состояние можно войти только после многолетней упорной тренировки, под руководством опытного учителя. По имеющейся у нас информации, Муртазин такую подготовку не проходил. Он посещал секцию айкидо. Его сенсей Виталий Ким, тренер не шибко высокого уровня. Поэтому я не согласен, Андрей Борисович, что Муртазин такой уж супер боец-берсеркер. Все произошло быстро, это да. Но у него не было времени войти в состояние боевого транса. И что он делает в финале? – падает на землю и орет всякую чушь, как шпана базарная... Боевой транс?! Простите, но это бред.

Подполковник покачал головой, как бы подтверждая категоричность своих слов. Генерал поднялся с кресла и, подойдя к сейфу, взял с полки съемный диск.

– Дайте свой планшет, Сергей Сергеевич.

Вставив флешку в гнездо, Заяров нашел нужные файлы.

– Во-первых, скину вам видео со спортплощадки. А во-вторых... вот, полюбопытствуйте. Два дня назад наши спецы вернулись из Булмагана. Они спускались в пещеру и сделали там интересные снимки. В частности, снимок того самого

«чемодана», то есть, камня, под которым прополз Муртазин после нескольких суток блужданий под землей. Вот он, этот камень. Обратите внимание на то, через какой промежуток между каменной глыбой и землей прополз Муртазин, когда услышал голос старика Радимича. Они там для сравнения положили спичечный коробок.

Он протянул планшет. Ярмуратий взглянул на снимок.

– Не может быть... Сколько же это в сантиметрах?

– Двенадцать сантиметров восемь миллиметров в высоту и двадцать семь сантиметров два миллиметра в ширину.

– Это означает, что Муртазин соврал и под камнем он не проползал.

– Я тоже так подумал. Но спецы утверждают, что взяли анализ – соскобы с поверхности камня и образцы земли, проверили и измерили каждый миллиметр. Экспертиза выявила микрочастицы термобелья, которое было на нем, эпителия и крови фигуранта. При чем, частицы расположены именно таким образом, что рассказ Муртазина подтверждается на сто процентов.

– А если предположить, что после того, как Муртазин прополз под камнем, тот стронулся с места и впоследствии постепенно сполз пониже?

– Нет, подполковник, этот вариант тоже проверен, «чемодан» абсолютно статичен. Но и это еще не все. Существует третье непонятное обстоятельство: вы слышали рассказ о скитаниях под землей в исполнении самого Муртазина в за-

писи. Обратили внимание на то, что он вышел из пещеры за две недели до нашего с ним контакта? Проверка показала, что он действительно отсутствовал где-то.

– Какое это имеет значение, товарищ генерал?

– Подполковник, вы видели на нем хотя бы одну заживающую царапинку, свежий шрам, хоть пятнышко, наконец? Нет? Вот и я не видел. Во время процедуры медосмотра он был чист, как поцелуй ребенка, простите за цитату. То есть, истощенный, обессиленный человек вылезает из-под земли весь исполосованный глубокими царапинами, покрытый ссадинами и синяками, а через каких-нибудь две недели на нем ни следа!

– А с его домохозяином кто-нибудь говорил? Он подтвердил, что Муртазин был в пещерах?

– Радимича не нашли – старик уехал куда-то, не предупредив соседей. Родных у него нет, круг общения, насколько удалось выяснить, ограничен Муртазиным.

Ярмуратий молча переваривал услышанное. Потом, поразмыслив, задумчиво произнес:

– Сказки венского леса. Не мутант же он, в конце концов...

Заяров устало вздохнул и потер виски.

– Скажите еще, что он инопланетянин.

– А кто еще может пролезть сквозь игольное ушко? – Спецназовец криво усмехнулся. – А что если спросить самого Муртазина, напрямую поинтересоваться откуда у него

эти... экстраординарные способности?

Генерал поджал губы, задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

— Когда сороконожку спросили о том, с какой ноги она начинает идти, она разучилась ходить.

— Гм... Думаете, что он сам не догадывается о своей исключительности?

— Что мы в точности можем знать? Ничего. Только предполагать. А предположения, не основанные на арифметически выверенных доказательствах, сродни гаданию на кофейной гуще. — Заяров улыбнулся. — Вы имеете склонность гадать, Сергей Сергеевич? Я так не думаю. Давайте собирать факты, а уж потом делать выводы. Кстати, была проведена генетическая экспертиза фигуранта. Не до фантастики нам, Медведь. Медики ясно высказались — Муртазин идентичен среднестатистическому Homo Sapiens. Я озвучил все это не для того, чтобы вы сомневались в Тимуре. Просто, возьмите на заметку сказанное, присматривайтесь к нему в процессе работы. Парень он, в общем-то, неплохой.

— Только очень не простой... Никто не говорит, что он плох. Коммуникабелен, к тренировкам относится с похвальным рвением, нареканий ни от бойцов, ни от меня не получал... Разве что, вызывает сомнение его способность работать в команде — он законченный индивидуалист.

— Это было понятно с самого начала нашего знакомства с ним. Вы ознакомились с его досье. — Заяров встал, подо-

шел к окну и отдернул штору. Ярмуратий вдруг почувствовал в словах генерала печальные нотки. – Ничего, в процессе работы пообтешется. Смотри, Медведь, рассвет сегодня какой красивый...

– Красный.

– Да, красный... Как там, у... не помню автора:...И крошавились свежим алым неоном осколки вселенной: рассвет истреблял ночи аспидную тьму. М-да. – Андрей Борисович помолчал, продолжая смотреть в окно. Потом вернулся на место у стола. Лицо его вновь стало бесстрастным. – Кстати, о работе. Судя по подготовительному процессу, мы не выходим за рамки заданного сценария действий. Кульминация близка.

– Вы думаете, Муртазин готов?

– Ничего я не думаю, Сергей Сергеевич. И вам не советую слишком увлекаться этим процессом. Иногда от, казалось бы, незначительной мысли... рождается значительная проблема.

– Потянуло на философию, товарищ генерал? Понимаю... Инициатива трахает инициатора.

– На пенсию меня потянуло, товарищ полковник. – Медведь удивленно взглянул на Андрея Борисовича. Тот улыбнулся. – Да-да, я не оговорился, именно полковник. Поздравляю с присвоением очередного звания.

Ярмуратий встал, хрипловато отчеканил:

– Служу Российской Федерации.

Заяров тоже встал, крепко пожал спецназовцу руку.

– Муртазину объявите, что ему присвоено воинское звание старший лейтенант.

– Из старшин сразу в старлеи? – полковник покачал головой. – Лихо взялись.

Генерал возразил:

– Группа целиком состоит из офицеров спецназа ГРУ. Неловко как-то, если в ваши ряды затешется простой старшина, Сергей Сергеевич. Опять же, стимул для Края неплохой. Так что, можете объявить своим о вашем повышении в звании. Разрешаю сегодня группе отдохнуть, свозите бойцов на рыбалку. Снасти имеете? Если нет, у меня в машине все приготовлено, отправь кого-нибудь к моему водителю. И пусть не вздумают глушить рыбу гранатами! Знаю твоего Жана...

– Экологию чтим. А вы, товарищ генерал?

– Тоже чту.

– Нет, я о личном присутствии на рыбалке.

– Без меня, Сергей Сергеевич. Через час улетаю. Вызывает...

Офицеры синхронно посмотрели на портрет Президента.

– Разрешите идти, товарищ генерал?

– Погодите... – Заяров снова открыл сейф и достал из него сверток. – Ты книги читаешь?

Полковник пожал плечами.

– Не до книг мне, товарищ генерал. Раньше увлекал-

ся. Полагаю, нормативный список литературы, обязательный для общего образования усвоил, даже с гакком.

– А я до сих пор стишки почитываю, есть такой грешок... Вот, почитай-ка. – Генерал вручил ему сверток. – Не бойся, не стихи. Но жанр, в котором она написана, для нас, реалистов и прагматиков, необычен. Однако, операция, в которой мы с тобой сейчас задействованы, тоже неординарная. Почитай, очень советую. Начнешь кое-что понимать во всей этой ситуации.

...Вернувшись к себе в комнату, Ярмуратий развернул сверток и прочитал автора и название книги:

– Айзек Азимов, «Конец вечности».

Недоуменно заломив бровь, он перелистнул несколько страниц, прочитал пару абзацев и усмехнулся. Потом достал из ящика стола газету и смастерил из нее обложку – так, чтобы никто не смог прочитать названия книги.

– Научная фантастика? Бред...

Глава 8. Край

Грянул День «Ч», и был он переполнен новостями и событиями. Сначала Медведь собственной персоной явился на подъем, чего раньше не делал. Дождавшись, когда группа построится, он объявил о своем и моем повышении в званиях. Я еле сдержался, чтобы не разинуть рот от изумления. Новоявленный полковник вперил в меня суровый взгляд.

– Что скажете, старший лейтенант Муртазин? – Строгость тона Ярмуратия была разбавлена веселыми искорками в глазах. – Или вам нечего сказать?

– Простите, товарищ полковник, но из меня старший лейтенант ГРУ, как... из задницы наковальня.

Спецназовцы заржали. Кроме Медведя, разумеется.

– Вы должны были сказать в ответ на сообщение о присвоении звания «Служу России!», боец. – В его взгляде читался укор, а в голосе прозвучали воспитательные нотки. – А вы позволяете себе произносить скабрзные метафоры...

– Товарищ полковник, – как всегда вмешался Жан. – Предлагаю поменять ему позывной в соответствии с метафорой, только без наковальни. А что? Сам сказал...

Не знаю, как другие, но я больше обрадовался следующему сообщению командира – о рыбалке. Хоть на денек забыть о тридцатикилометровых кроссах с полной выкладкой, мордобое на татами, запахе пороха на стрельбище. По указанию

полковника я ринулся в гараж, чтобы забрать у молчаливого водителя генерала Заярова рыболовные снасти. Убегая, успел услышать спор Жана с Лешим о правильной рецептуре маринада для шашлыка.

Настроение было приподнятое!

Но возвратившись, по озабоченным лицам построившихся спецназовцев я вдруг понял, что пикник отменяется. Ярмуратий качнул головой, предлагая мне занять место в строю. Пристроив рюкзак и брезентовый чехол с рыболовецкими причиндалами на скамейке, я занял свое место в шеренге.

– Кратко и по сути, товарищи офицеры. – Полковник обвел серьезным взглядом строй. – Генерал Заяров связался со мной и объявил готовность номер один. За нами отправлен самолет. С собой берем только личные планшеты. Оружие, снаряжение нам выдадут на месте. Перевалочный пункт – военный аэродром в ста километрах от городка Булмаган. Экипировавшись, грузимся на вертушку и отправляемся в горы. Дальнейшие инструкции получите непосредственно перед спуском в пещеру. Вопросы?

Вопрос был – у меня, – но я предпочел его не озвучивать, потому что кроме дурацкого «На фи́га мне все это надо?» спросить больше было нечего.

...Подали не истребитель – и на том спасибо. Существуют ли на свете пятиместные истребители? Вряд ли. Небольшой скоростной пассажирский самолет лихо вырулил на взлетно-посадочную полосу и, резво разогнавшись, взлетел. Наверное, на таких летают военачальники высшего ранга. Расположившись в комфортабельных креслах, спецназовцы без лишних разговоров уснули. Я достал планшет и продолжил строчить свой дневник. Раньше старался вести свои записи украдкой, справедливо полагая, что обстановка глобальной секретности налагает вето на это мое занятие. Нашел-таки функцию, которая позволяла работать в скрытом режиме, то есть, голографический экран появлялся, но в диапазоне, невидимом для невооруженных глаз. Все очень просто: в выдвижном отсеке планшета, как выяснилось, хранились специальные очки, позволяющие видеть экран только сквозь их хитрые стеклышки. Медведь однажды все-таки застал меня за печатанием на виртуальной клавиатуре, когда я неосторожно пренебрег скрытым режимом. Заметив мое замешательство, командир заверил, что писать дневник не возбраняется, и даже наоборот – поощряется.

– Это будет своего рода отчет, – пояснил он. – Главное, пиши подробнее, не стесняйся. Никто, кроме тех, кому это положено, твой дневник прочитать не сможет. Даже у меня

нет доступа. Так что, не вибрируй, Край, веди свою летопись легально. Если честно, я тоже в свой комп время от времени вношу отчеты – это удобно.

* * *

Минут через сорок я решил уже закончить с писаниной, когда ко мне подсел Жан.

– Все пишешь? – оказывается, он не спал. – Что ваяешь, если не секрет? Статью, очерк, или нечто покруче, эпохальный роман?

Я задумчиво взглянул на спецназовца.

– Оперу пишу, мой любопытный друг. Опер велел обо всех поподробнее написать.

– Баянище. – Жан остервенело, с челюстным хрустом, зевнул. – Не спится?

– Да уж... Что день грядущий нам готовит?

– Не ссы в компот, Край, там повар ноги моет. Пойдешь за нами – грудью, так сказать, постоишь за нашими спинами. Ну и, бронежилет тебе в помощь. Подумаешь, террористы... Засранцы с автоматами да бомбами всякими. Их сначала страшно, а потом... Если выживешь, конечно, гы-гы.

Я поморщился.

– Иван, ты же потомственный аристократ, сам говорил – из дворянского рода приходишь. А выражаешься как тролль из трущоб интернета. Фу на тебя.

– Что ты понимаешь, жалкий почитатель краеведения. – Он удрученно вздохнул и, утопив затуманившийся взор в астрале, глубокомысленно произнес, – житие мое... Ты вот про меня напиши, по-дружески. Знаешь, какая у меня жизнь неординарная.

– Житие не твоей оперы жанр, его о жизни святых людей пишут. Из тебя святой, как...

– Из задницы наковальня, знаю.

– Нет. Как из Терминатора Снегурочка.

Писать мне действительно расхотелось. Я тоже зевнул и сложил планшет.

– Мне одно не понятно, Карандыш. Для чего я вам понадобился? Для чего вы меня с собой потащили, как муравьи дохлую гусеницу? Вы же профи, сами справитесь.

– Не знаю, Край. Сам не пойму. Но приказы командира не обсуждаются, а выполняются беспрекословно. И тебе советую. Вот, например, я тебе скокажды настоятельно объяснял, что вот так вот, – он вынул свой нож и взмахнул им в воздухе, – блокировать удар противника не стоит – его лезвие соскользнет с твоего клинка и перережет тебе сухожилие. А ты?

Я с тоской взглянул на спящих спецназовцев.

– Лучше бы ты продолжал спать. В обнимку со своим тесаком. Я ж тебе вопрос задал, а ты отмахиваешься клише – «приказы командира не обсуждаются». Друг, блин. Сам подумай, на что я вам? Ты думаешь, что я боюсь? Нет, мне да-

же интересно. Но должна быть целесообразность, ведь вы же разведчики, а значит рационалисты.

Жан кивнул, перестал дурачиться.

– Тебе, Тимурка, спецназ ГРУ известен только по книжкам и фильмам. Суровые парни с непроницаемыми лицами разят врагов и спасают население земли от мирового зла, при этом неукоснительно соблюдая кодекс джентельменской чести. И это нормально, когда среднестатистический обыватель так думает о нас. Он верит в нас, знает, что мы не подведем, враг будет непременно разбит, и победа будет за нами.

Да, мы рациональны. Ничего не делаем просто так, у всего есть подоплека. Это как производственная необходимость. Степень важности боевой задачи, которую мы обязаны решить, является оправданием средств, которые мы при этом используем. А задачи у нас, братишка, сугубо государственной важности. Вот и думай...

Нет в нашей работе романтики и киношного благородства. Если обыватель узнал бы, какими методами иногда приходится оперировать разведчикам, какие использовать средства... Чистоплюи у нас не приживаются, это точно. Самое главное, необходимо уяснить, что безопасность государства, народа невозможно обеспечить стерильными руками. Ассенизаторы тоже не шанелью пахивают, Край.

Я досадливо поморщился.

– Спасибо за прописные истины, друг. Я сейчас разрыдаюсь на твоём мужественном плече. Нет, правда, спасибо. Ты

попытался меня успокоить, хотя сам в точности не знаешь ответа на мой вопрос. Понимаю и твою показную дурашливость. Это как предохранитель...

Жан сосредоточенно всматривался в иллюминатор и молчал. Обиделся...

– Вань, покажи мне, как правильно блокировать удар. Тот самый, чтобы предполагаемый противник мне сухожилие не перерезал.

Он повернулся и растянул губы в улыбке.

– Вот это по делу! А то я вдруг подумал, что ты мне курс психоаналитики решил тут озвучить. – Капитан вытянул нож из ножен. – Блокируя клинок противника, ты должен направить его вот в эту сторону, видишь? И сразу же, сделав вот такое движение, уже не он тебе, а ты подрезаешь сухожилие злодею... Усек? Давай повторим. Достань свой нож.

* * *

Жизнь не кино – звучит банально, но ведь люди подспудно привыкли примерять навязываемое им индустрией кино видение окружающей действительности к реалиям. Мы даже говорим на языке киногероев. Между тем, очень редко встречаются идеальные люди, я имею в виду идеально святых и идеальных злодеев. В каждом человеке намешано разного – и доброго, и злого, такова наша природа.

Спецназовцы не выжили бы, будь они поголовно благодущ-

ными добряками. Их показной цинизм базируется на огромном чувстве ответственности, которого не хватает многим нашим согражданам, назубок знающим свои права, но неохотно вспоминающим об обязанностях. В дальнейшем мне пришлось убедиться в том, что выполняя свой долг, спецназовцы, не жалея себя, идут до самого конца. И это не «ура-патриотизм», это состояние души.

Глава 9. Жан

Заладил «Для чего я вам понадобился?»... А я знаю?! Вся инструкция от командования в отношении Края заключается в емкой фразе Медведя: «Муртазина прикрывать любой ценой». Это означает, что в случае возникновения пиковой ситуации я должен прикрывать Тимура всеми частями своего нежного тела. Словом, государство заинтересовано в сохранности краеведа более, чем в моей, вот что это означает. Хотя нет, это будет не совсем точно... Государство создало из меня эффективное оружие, которое должно любой ценой обеспечить сохранность важного участника боевой операции во время ее – качественного! – выполнения – вот так будет по самой сути.

Правильный человек Тимур. Не слюнявый нытик, есть в нем мужская жила. Генерал Заяров дал нам прослушать рассказ Муртазина о его скитаниях по пещерам. Что ж... Тяжко ему там пришлось, ничего не скажешь. Один, с мизерным припасом, в полной неизвестности... Только я одного не могу понять, почему этот его старичок-напарник Михалыч не вызвал спасателей? Как это он умудрился спуститься в пещеру и оказаться в нужное время в нужном месте именно тогда, когда туда добрался Край? Какой-то зигзагообразный круг получается...

И то, что Тимур сейчас так неохотно идет наобум мож-

но понять — ситуация для него нестандартная, а быть темной лошадкой, которая в любой момент может превратиться в верблюда, а то и в козла отпущения, стремно. Ничего, он разберется. А как он мне творчески по яйцам зарядил?! Любо-дорого... Я только через сутки смог начать ходить, и то в раскорячку. Как кувалдой шандарахнул. Ладно меня, но как он умудрился Лешего с Громом оприходовать? Правда, картинка финала схватки в моем сознании осталась несколько смазанной, однако, я успел понять, что Край двигался с немыслимой скоростью. Наверное, от страха резервы высвободились, не иначе. На тренировках он такие выкрутасы не демонстрировал, хотя признаю, как рукопашник он работает вдумчиво, опять же, с творческим подходом.

Но все равно, убей, не могу понять — какого черта его послали с нами?! Он спрашивает меня об этом же, но откуда я могу знать, какие злые козни злобно гнетет командование в своих кабинетных чертогах? Медведь, по-моему, что-то знает, но молчит. Хотя мог бы команде шепнуть по-свойски, не к теще на блины идем все-таки.

...Ничего, где наша не пропадала... И там пропадала, и сям пропадала, да так и не пропала. Авось, и нынче вытянем. Кажется, на посадку пошли. Как говорил мой батя: никогда не будь суеверным, но выходя из дома, плюнь через левое плечо. Так что, тыфу-тыфу-тыфу.

Микроавтобус, встретивший группу у трапа самолета, за пару минут домчался до ангара, где нас ожидали мрач-

ные снабженцы. Командир приказал экипироваться с учетом достопримечательностей предстоящего маршрута: согласно инструкции, в ходе операции нам предстоит преодолевать подземные галереи, лазать по стенкам пещер, плыть по подводным тоннелям и лавировать между сталагмитами. А в конце увлекательной прогулки нас ожидает встреча с «гостеприимными» террористами. Экстремальный, блин, туризм.

Металлических ящиков оказалось многовато, но полковник, заметив наши недовольные взгляды, пробурчал, что часть снаряжения после употребления оставим на берегу подземной реки. Погрузив экипировку в микроавтобус, мы наскоро перекусили тут же, в ангаре – снабженцы расщедрились на горячий обед. Потом влезли в машину, которая доставила нас к вертушке. Через двадцать минут, когда наш груз перекочевал в пузатое брюхо вертолета, полетели дальше.

* * *

...Вертушка упорхнула, оставив нас и груз на каменистой площадке, поросшей клочками колючей травы, и Медведь приказал проверить герметичность ящиков с оружием и взрывчаткой. Потом мы занялись личной экипировкой. Командир проверил каждого, заставил попрыгать – «Чтобы ничего не звякало и не брякало!».

– Готовы. Ну что, товарищи офицеры, приказываю при-

ступить к выполнению боевой задачи. Край...

Тимур кивнул и, поманив меня жестом, направился к крупному серому валуну, лежавшему на краю площадки рядом с кустарником.

– Давай вместе. – Он уперся руками в камень и, надавив на него, сердито оглянулся. – Ну?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.